

ВАЗ

ПОЛ УИЛСОН

КАРМА

ИСТОРИЯ МОЕЙ
АДСКОЙ ПОЕЗДКИ В МЕКСИКУ

Bad Karma. Реальные истории в стиле нуар

Пол Уилсон

**BAD KARMA. История моей
адской поездки в Мексику**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уилсон П.

BAD KARMA. История моей адской поездки в Мексику /
П. Уилсон — «Эксмо», 2019 — (Bad Karma. Реальные истории в
стиле нуар)

ISBN 978-5-04-171810-7

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON О ПУТЕШЕСТВИЯХ № 1! Увлекательные мемуары о катастрофической поездке в Мексику ради серфинга, которая случайно завела в логово знаменитого наркобарона Эль Чапо... Лето 1978 года. 21-летний Пол Уилсон из Калифорнии очень хочет стать крутым и вписаться в тусовку пляжных серферов, чтобы обрести уважение среди парней и успех у девушек. Для этого нужно пройти обряд инициации – совершить путешествие в материковую часть Мексики ради серфинга. Зловещие кармические предзнаменования преследуют его на каждом шагу: не имея возможности заплатить за поездку, он грабит супермаркет, а вскоре узнает, что один из его попутчиков – осужденный убийца в бегах, а другой – беспринципный подонок. Более того, парни даже не подозревают, что конечная цель их путешествия лежит в самом сердце знаменитого наркокартеля Эль Чапо... Искрометные и остросюжетные, воспоминания Пола Уилсона – это адская поездка, самые настоящие «Страх и ненависть в Латинской Америке» в антураже мексиканских джунглей. Несколько раз едва не погибнув, терпя неудачу на всех этапах своей поездки, Пол переосмысливает свою жизнь – и спустя годы, когда истек срок давности, рассказывает эту историю. «Живое и восторженное повествование. Эта увлекательная книга описывает ушедшую эпоху». – Kirkus Review «Пол Уилсон написал увлекательные мемуары. Его непростые приключения, попутчики, случайные люди, которых он встречает на пути, – все они невероятно хорошо описаны... в том числе и парень по имени Хоакин Эль Чапо Гусман». – Discovery «Настолько правдиво, что хочется, чтобы это было вымыслом! Эта книга – громкий смех сквозь слезы над трудностями взрослой

жизни». – The Prairies Book Review В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-171810-7

© Уилсон П., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Примечание автора	7
Глава 1. Девятнадцать серферов, четырнадцать квартир, одно здание на пляже	8
«Отель разбитых сердец», «Детская кроватка», «Стад Эстейтс», он же Поместье	8
Могу я принять ваш заказ?	10
Дай мне знак	12
Гензель и Гретель	14
Жертвенный автобус	16
Глава 2. На старт... Внимание...	17
Слишком подготовленные	17
Суррогатный отец	19
Внешность не имеет значения	21
Переломные моменты Кармы, Удар первый: Камера	23
Переломные моменты Кармы, Удар второй: Непредумышленное убийство	27
Глава 3. ...Марш	29
«Эй, Боже»	29
\$6,66	32
За чертой	34
Глава 4. Направить уведомление	36
Трапеза при свете фонарика	36
Глава 5. Самые продуманные планы	40
Держи паракват	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пол Уилсон
BAD KARMA. История моей
адской поездки в Мексику

Paul Wilson

BAD KARMA: The True Story of a Mexico Trip from Hell

Copyright © 2019 by Paul Wilson

© Белолипцев М.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается моим внукам Эмили, Кларку, Гранту, Форду и
Мэдилин. (Прочтите, когда станете достаточно взрослыми... а потом
сделайте все наоборот)*

Примечание автора

Это правдивая история. Все описанные события произошли на самом деле, и персонажи также реальны. Я осознавал уже тогда, что происходило нечто *невероятное* – и это нечто предвещало совершенно безумный исход. За пять с половиной недель «простое желание вписаться в тусовку» превратилось в посиделки за бутылкой пива с Эль Чапо¹. Я вел записи, делал заметки и фотографии, но боялся поделиться многими из них, пока не истекли различные сроки давности. Тем временем у меня появилась жена и двое впечатлительных детей – и эта история оставалась тайной, чтобы они не узнали, каким дерьмом я был в свои двадцать. Между тем последствия наших проступков по очереди настигли каждого из нас, и один за другим наши счета были сведены.

Пристегнитесь и держитесь крепче. Вы поедете на переднем сиденье.

---

¹ Эль Чапо (с исп. «Коротышка», настоящее имя Хоакин Арчивальдо Гусман Лоэра) – мексиканский наркобарон, глава наркокартеля Синалоа. (Здесь и далее – прим. ред.)

Глава 1. Девятнадцать серферов, четырнадцать квартир, одно здание на пляже

«Отель разбитых сердец», «Детская кровать», «Стад Эстейтс», он же Поместье

Безуспешные попытки быть или казаться крутым – полный отстой. Как будто вечно трещься у витрин магазина, пытаюсь заглянуть внутрь. Я вырос замкнутым ботаником – даже учителя называли меня «очкариком» – и отчаянно пытался выйти из жестокой социальной изоляции, которую сам себе устроил. Но алкоголь, наркотики или матерная ругань совершенно не придавали мне крутизны. Даже сейчас, несмотря на то что последние два года я был неотъемлемой частью так называемого Поместья и каждый день проводил бесконечные часы на серфе, меня все еще считали скорее прихлебателем, чем резидентом. По-настоящему заслужить репутацию крутого парня – и стать неотъемлемой частью серферской тусовки – мог лишь тот, кто путешествовал по Мексике. Калифорнийский полуостров не котиrowался. В зачет шел лишь *материк* – чем южнее, тем лучше. Существовали два типа резидентов: те, кто занимался серфингом в материковой Мексике, и те, кто лишь мечтал об этом. Первые считались крутыми, они были эдакой серф-версией членов субкультуры парней из кампуса, которые носят спортивные куртки с эмблемой школы. Люди смотрели на них снизу вверх. Если вам повезло показаться с одним из них, вы чувствовали себя учеником, наблюдающим за профи. В иерархии серферов, известной как «линейка», они вытеснили с первых мест всех остальных. Им доставались самые лучшие волны – и все самые симпатичные девушки. Черт, они были классными. Я хотел быть одним из них больше всего на свете и решил, что *это мой шанс*.

В последние несколько дней практически осязаемый гул наэлектризовал все здание. Лось и Жеребец готовились к путешествию на материк. Да, у всех нас были прозвища. Не какой-нибудь Лунный Песик или Красотка – это отстой. Наши прозвища были крутыми... за исключением разве что моего. С самого начала меня прозвали Пол Э. Оптерс, и это прижилось. Думаю, так произошло потому, что меня слишком часто видели «вертолетающим» среди жителей верхнего яруса, что было некруто². И все же прозвище моего соседа было еще хуже. В то утро, когда его окрестили Вонючими Ногами, его настоящее имя Джон было забыто навсегда.

А вот Лось бывал на материке. Черт возьми, он бывал везде. Он был таким крутым, что даже несколько раз сидел в тюрьме; в основном, насколько я знал, из-за наркотиков. Жеребец не был. Я имею в виду на материке, а не в тюрьме. Но даже без этого он каким-то образом заработал репутацию крутого парня. Возможно, дело было в чрезмерно самоуверенном поведении или в веренице красивых девушек с разбитыми сердцами, которая тянулась за ним. В любом случае Жеребец тоже считался «большим человеком в кампусе».

Мне был двадцать один год, они были на несколько лет старше. Лось был искусным манипулятором; предполагаю, что он с самого начала придумал завлечь именно меня. Они позволили мне подслушать, как они планируют свою поездку, зная, что я сделаю все что угодно, чтобы поехать с ними. Оказывается, у них не было автомобиля, на котором можно было отправиться в путешествие. (Позже я узнал, что они испробовали ту же уловку на всех остальных в Поместье, у кого был подходящий автомобиль, и я буквально был последним жизнеспособным вариантом). Они играли со мной как настоящие профессионалы. Я заверил их, что мой микроавтобус «Фольксваген» 1966 года выпуска идеально подходит для поездки. В нем была

---

² От слова helicopter – «вертолет» (англ.).

убойная стереосистема с шестью динамиками, двумя усилителями и сабвуфером, достаточно мощным, чтобы заставить столовые приборы прыгать на откидном столе, на котором стояла кухонная плитка.

Я достал охлаждающую систему от старого мини-холодильника и сделал из нее скрытую морозильную камеру под изготовленной на заказ полноразмерной кроватью. Мой автобус был таким крутым, что у него даже было имя и эксклюзивный номерной знак: 1DRBUS, он же *Wonderbus*, «чудо-автобус». Слишком наивный, чтобы понимать, что меня просто используют, я выложился по полной: даже торговец подержанными авто, жаждущий заработать, не сравнился бы со мной в красноречии и не был бы столь же воодушевлен после закрытия сделки. *Мало того что меня брали с собой в поездку, так она еще стала возможной благодаря моему автобусу! Если бы это не помогло мне получить высокий статус в тусовке, то уже ничего бы не помогло.*

Некоторые не такие уж и незначительные детали поездки стали всплывать по ходу дела. Она задумывалась как двухмесячное серфинг-сафари с углублением в суровые прибрежные джунгли Южной Мексики на три с лишним тысячи километров. У меня была постоянная работа (и не было денег на такую поездку), но я просто не мог отказаться от этого путешествия. Все это послужило причиной событий, произошедших в тот субботний вечер, который был обычным субботним вечером.

Вот только он был охренеть каким необычным.

Могу я принять ваш заказ?

Я убедил своего лучшего друга Перро стать моим сообщником. (*Perro* по-испански «собака», и это прозвище спустя годы возникло из изначального «Horn-dog»³. Как он его зарабатывал, я распространяться не стану. Используйте свое воображение.) Мы с ним были заклятыми врагами в средней школе, где я был на год старше его из-за того, что пропустил третий класс. Мы познакомились в столярном кружке. На тот момент восьмиклассник, я был так называемым помощником (читай: «невыносимым питомцем учителя»), а Перро был главным клоуном в своем классе. Моя работа заключалась в том, чтобы убирать все ручные инструменты, очищать машины от опилок и подметать полы в конце урока – а по факту всего лишь перепоручать все это семиклассникам. Я очень серьезно относился к кружку, я был помощником в Начальном столярном кружке на первом уроке, у меня был Средний столярный кружок вторым уроком и Продвинутый столярный кружок шестым уроком.

До этого момента у меня практически не было в жизни ситуаций, когда я нес за что-нибудь ответственность, и Перро, который на протяжении всей жизни был маленьким куском дерьма, сделал мою жизнь невыносимой. Если я просил очистить циркулярный станок, то, возвращаясь, обнаруживал, что он снова покрыт кучей опилок, обрезков и стружки, а Перро сидит сверху, закладывая указательный палец за большой, и швыряет обрезки через какие-то импровизированные ворота. *Ничто* не могло заставить его относиться к чему-либо серьезно. Однако все изменилось в один прекрасный день в 1969 году, когда он услышал, как я жалуюсь однокласснику, что мы слишком бедны, чтобы иметь телевизор, и что мне придется наблюдать высадку астронавтов на Луну у соседа.

Перро встал передо мной и выдал: «Эй! Да что ты знаешь о бедности? Ваша семья живет в апартаментах с бассейном, и ты еще жалуешься, что у вас нет телевизора? Пока я рос, мы жили в палатках и все время переезжали. Моя семья каждый день ходила собирать фрукты. Я всегда думал, что мы в кемпинге! Только в прошлом году моя мама рассказала, что, когда я был ребенком, мы работали временными сельскохозяйственными рабочими. Так что заткнись, черт возьми! У тебя все нормально!»

Именно тогда мы с Перро стали кровными братьями. Я наконец понял, почему он так счастлив и беззаботен. У него было все, о чем он мечтал: дом, который он мог назвать своим; родители, которыми он гордился за их достижения; и дружба, которую он теперь мог завести, зная, что она не закончится к концу сезона сбора урожая.

С тех пор мы пережили вместе много всего, но в детстве у нас были свои уникальные взгляды на вещи. Он жил с тремя старшими братьями, которые часто его избивали, – у меня же были три сестры, которым нельзя было дать отпор. Когда мы познакомились, он был на пятнадцать сантиметров ниже меня, но перерос меня в старшей школе, а потом я обогнал его летом после выпуска. Он много лет жил в одном доме и в одном школьном округе. Моя семья постоянно переезжала из-за позорных выселений за неуплату, так что я за то же время пожил в восьми разных школьных округах. Я мог рассчитывать лишь на ту дружбу, которая продлится максимум до следующего выселения. Итак, когда пришло время попытаться осуществить что-то, что могло изменить мою жизнь, Перро стал моим соучастником в преступлении. Я хотел заниматься серфингом на материке, и вот как я собирался получить деньги: украсть их. Но не напрямую – для этого требовались бы яйца побольше, чем мои.

Я руководил ночной бригадой грузчиков, делал некоторые заказы и имел ключи от входной двери оживленного супермаркета на «острове» Коронадо к северу от города. Коронадо – не настоящий остров, хотя жители снобистски считают себя первоклассным сообще-

---

³ Horn-dog – «сексуально озабоченный».

ством. Он граничит с водой с трех сторон, и база ВМФ Team One обеспечивает ему надежную защиту от гамбургерной деревеньки Империял-Бич на юге. (Даже федеральное правительство подыгрывает, называя военно-морскую базу в Коронадо «Военно-морской авиационной базой Норд-Айленд».) В моем магазине, явно более приятном по сравнению со вторым городским супермаркетом, проходы всегда были полны народа, независимо от времени суток – в рабочие часы это были покупатели, а в ночное время грузчики. Всегда, за исключением трех часов раз в неделю, с полуночи до трех утра воскресенья, когда появлялся я, чтобы впустить работников.

Я проработал каждую деталь и сотню раз отрепетировал все в голове. План заключался в том, чтобы зайти в магазин немного позже полуночи и к 0:45 притащить все, что я намеревался присвоить, к краю задней погрузочной платформы. Оттуда Перро сваливал все это в кузов своего грузовика, а затем проезжал двадцать километров на юг до нашей квартиры. Я рассчитывал, что к его прибытию уже буду там, чтобы помочь отнести трофеи в нашу квартиру на втором этаже, и что у меня еще будет достаточно времени вернуться в магазин и к трем часам открыть его для грузчиков.

Я дал понять своим товарищам из Поместья, что буду «затариваться в нерабочее время», и получил массу заказов. К моему удивлению, даже пара их мам зашли со списками. (Неудивительно, что здание было набито негодяями-бездельниками!) Я спрашивал, что им нужно, и мы договаривались о цене. Случайный гениальный ход: я одним выстрелом убил двух зайцев – добывал припасы для поездки и финансировал свою часть.

На складе всегда царил беспорядок. Никто даже не заметил кучу товаров, которую я скопил за горой всякой школьной ерунды. Я тщательно продумал загрузку двух поддонов, чтобы они напоминали бесполезный хлам, складывая ящики по их периметру и оставляя в центре каждого свободное пространство, куда я мог бы беспорядочно сбрасывать небольшие трофеи. Четыре цикла «перезаказа» товаров снабдили меня достаточным количеством картонных коробок с продуктами, из которых можно было построить стенки для поддонов. Их основание было выложено тридцатью ящиками тунца в масле (2160 банок! И более 1400 из них предназначались для мамы Вонючих Ног! Оглядываясь назад, я подозреваю, что она также выполняла заказы для своих друзей. Ведь *никто* не любит рыбу настолько, не так ли?). В заказах также было десять ящиков (240 банок!) арахисового масла, кофе в количестве, достаточном для того, чтобы открыть бистро, а также пиво. Я не был бы крут, не прихватив немного пива... ну не то чтобы *немного*, а *очень много* пива. На самом деле у меня были один поддон пива и один поддон всего остального. Я «затаривался» во время своих обычных смен, складывая банки или упаковки того-сего, пока оба поддона не были заполнены, а заказы моих соседей – выполнены.

Дай мне знак

0:35. Я один в магазине, сердце колотится в груди. Во рту так пересохло, что я боюсь подавиться собственным языком. Мчусь по проходам, толкая одну корзину и таща другую, собирая что-то, как участник «Гонок в супермаркете»⁴. С чего такая паника? Как только весть о том, что я планировал, облетела Поместье, в последнюю минуту на меня обрушился поток заказов на «обязательные вещи», что привело к непонятной путанице.

Может быть, я наобещал достать больше, чем мог? О божечки! Я буду очень крутым! Если никого не подведу...

Я должен был как следует постараться. У меня длинный список заказов, и я был полон решимости их выполнить. Бритвы, батарейки, солнцезащитный крем, термометр для мяса, пиво, вяленая говядина, пленка, салфетки для вечеринок, конфеты, зажигалки, консервированная ветчина, еще пиво... Я складываю все на два уже перегруженных поддона, хватаюсь за ручку домкрата и придвигаю первый нелепо тяжелый и колеблющийся груз к откидной двери. 0:42.

Хорошо. На три минуты раньше! Мне нужно подождать, чтобы открыть дверь. Не отступай от плана.

Я перепроверяю время. По-прежнему 00:42. Огромная капля пота падает на мои часы. Мерцающие капли пота скользят по моим ногам на пол склада.

Как может мой рот быть таким сухим, а кожа такой влажной? Блин, тихо. Я не помню, чтобы раньше гудели флуоресцентные лампы. Снова посмотри на часы. 0:43. Да вы издеваетесь. Одна минута? Одна долбаная минута? О чем я думаю? Весь мой план – полнейшая чушь. Собственно, еще не поздно все бросить. Я ведь еще не нарушал никаких законов? Как же не хочется быть пойманным. Но куда меньше хочется возвращать все это дерьмо на свои места! Успокаивающий фактор – мысль о поездке в Мексику. Я должен это сделать, и сделать это сейчас, пока не потерял самообладание. Время? 0:44. Наплевать на время, я поднимаю дверь.

Перро сидит за рулем своего пикапа, припаркованного через дорогу, в точном соответствии с планом. Назад дороги нет. Я перетаскиваю первый поддон, поворачиваю его на 180 градусов и толкаю к месту – частично нависая над краем погрузочной платформы – перед тем как сжать ручку домкрата для поддонов настолько осторожно и точно, насколько могу, выпуская гидравлическое масло с приглушенным визгом. Так будет проще погрузить все в грузовик Перро. Часть поддона не закреплена, доски скрипят, трещат и стонут под нагрузкой, грозясь сломаться. Грохот домкрата, когда я выдергиваю его, пронизывает тихий ночной воздух. Через дорогу стоит ряд аккуратных пляжных коттеджей с белой обшивкой. Кто-то ведь обязательно пожалуется. Шесть дней в неделю они должны слушать этот грохот, а я достаю их в единственную тихую ночь. Я оттаскиваю домкрат обратно и забиваю его под второй поддон.

Бац! Бац! Бац! Бац! Сделать это тихо просто невозможно. *Весьма иронично, если нас поймут из-за жалоб о нарушении тишины.* На этом поддоне в основном пиво. *Интересно, закон о краже пива строже, чем о краже консервированного тунца и арахисового масла?* Опять же, поддон такой тяжелый, что качается и шатается, как будто провалил полевой тест на трезвость. *Потихоньку.* Я слишком сильно раскачиваю груз и в панике карабкаюсь по левой стороне, чтобы не дать упасть зловеще наклонившейся пивной стене. *Боже, у меня руки трясутся!* Я вытаскиваю домкрат и показываю Перро большой палец. Он кивает и в ответ салютует левой

---

⁴ Supermarket Sweep – американское игровое телешоу. Формат сочетает в себе обычную командную викторину с новой концепцией гонки по супермаркету с тележками на время.

рукой. Я опускаю и запираю дверь. 0:50. Еще пять минут, и Перро будет далеко отсюда. Это *мой* план, и он отлично работает.

Что-то идет не так, когда я запираю входную дверь тускло освещенного супермаркета и пересекаю пустую парковку. Моя часть работы сделана, я должен выйти из магазина, вернуться в нашу квартиру и ждать Перро. Но что-то не так. Я чувствую это ощущение на вкус. Вместо того чтобы сразу уехать, я сижу в автобусе, смотрю на магазин и вожусь с ключами, поглощенный нерешительностью. Моя некогда белая футболка, теперь полупрозрачная и прилипшая к груди от пота, обнажает мой серферский загар. Несчетное количество раз я капал Перро на мозг: «Придерживайся плана, ничего не меняй». *А можно ли мне было отклониться от него? Раз уж это был мой план, разве не мне решать, что с ним делать? Это просто волнение или действительно плохое предчувствие?*

1:02. Двенадцать минут прошло с тех пор, как я подал знак Перро и опустил подъемную дверь. К этому моменту он должен уже ехать на юг с грузом. *Стоит ли перепроверить?* Это было полностью против плана, но я не мог этого не сделать. Я был *обязан* перепроверить Перро.

Со стоянки; на улицу; повернуть за угол и... *черт возьми, я просто не верю своим глазам!* Его грузовик даже не переехал через улицу! Наши два поддона с добычей стоят на месте, освещенные огнями погрузочной платформы, как звезды в *гребаном бродвейском мюзикле!* В панике я подлетаю к Перро. Он надрался! Уткнулся лицом в плечо, высунув руку из окна, в полной отключке! Он вообще не подавал мне сигнала! На самом деле я просто увидел, как он отключился!

Перро!!!

ПЕРРО!!!!

ТВОЮ Ж МАТЬ, ПЕРРО!!!

Он фыркает и просыпается. Его взгляд постепенно становится более-менее осмысленным.

– Чё?.. Все нормально, я проснулся! Черт! Посмотри на все это дерьмо!

Меня чуть удар не хватил. Мы уже опаздывали на пятнадцать минут. План летел к черту.

– Загрузи все в свой грузовик как можно быстрее! Я обойду квартал и проверю, нет ли копов. Вернусь через пару минут и отправлюсь к дому вслед за тобой.

Окрестности магазина сегодня пустынные. Никаких машин. Никаких копов. В городе, должно быть, что-то происходит. *Слишком тихо. Может быть, карма все-таки нам улыбается*, – думаю я, возвращаясь назад, чтобы снова проверить Перро.

Срань господня! Я сильно переоценил вместимость его грузовика! Перро у погрузочной платформы рядом со своим грузовиком, стоя по колено в банках и пакетах, старается не допустить, чтобы еще больше выпало из кузова, и проигрывает эту битву. *Как я мог так облажаться? Расширяются ли упаковки, когда их сбрасывают в грузовик, а не складывают? Я забыл, что часть кузова занимают колесные арки?* Куча напоминает силуэт верблюда и подчеркивает маленький размер платформы его грузовика; эти два горба на полметра выше кабины!

Перро замечает меня, когда двухлитровая банка «Гавайского пунша» выпадает наружу, громко ударяется о борт его грузовика и катится к тротуару.

– ТВОЮ МАТЬ, ОПТЕРС! Как, черт возьми, я должен уместить все это дерьмо в свой грузовик? – ревет он пьяным громким голосом.

Мой голос звучит хрипло, и я изо всех сил стараюсь говорить громким шепотом. В горле так пересохло, что я давлюсь словами, не в силах закончить предложение, не глотая через каждые несколько слогов.

– Хрен с ним! Мы слишком долго возимся! Давай, надо сваливать...

Гензель и Гретель

Перро заводит свой грузовик и медленно выезжает из зоны погрузки. Сверхпрочный, полноразмерный, полноприводный пикап Ford F-250XL грузоподъемностью три четверти тонны смотрится явно перегруженным и опасно наклонился назад. Спустившись на нижний ярус, Перро осторожно катит грузовик по горке, где пандус переходит в тротуар. Несмотря на всю осторожность, дюжина банок и несколько упаковок с арахисовым маслом срываются с наших гималайских вершин и падают на землю. Звук такой, словно бейсбольной битой бьют по пиньяте⁵, наполненной стеклянными банками. Перро еле тащится, оглядывается на меня широко раскрытыми глазами и качает головой.

Слишком напуганный, чтобы понять, насколько это смешно, я беззвучно говорю в ответ:

– Давай! Давай! Давай!

Нам крышка.

Передо мной не просто едет грузовик, перегруженный краденым пивом и продуктами, но еще и гремит на всю округу падающим с него хламом. И все это в Коронадо, штат Калифорния, – возможно, самом оживленном прибрежном городе в стране – в 1:20 ночи в летнюю субботу. Будучи стойко консервативным сообществом, город борется с преступностью и бездомными, быстро выгоняя всех сомнительных персонажей через *мост Сан-Диего – Коронадо-Бэй* длиной почти три с половиной километра и размещая их, теперь надежно скрытых от взглядов жителей, в центре Сан-Диего. Коронадо обычно идет на первом месте в стране по количеству нарушений Правил дорожного движения и арестов пьяных водителей на душу населения. Местным жителям не нужны садовые украшения в виде розовых фламинго: каждой ночью полицейские и так заставляют людей стоять на одной ноге по всему городу. Кажется, даже декоративные фигурки гномов на лужайках всегда рады предложить вам пару наручников.

Перро, должно быть, протрезвел. Он следует по маршруту, который я разработал, чтобы избежать главных улиц – и, надеюсь, полицейских. Этот закоулок, который пересекает остров, все ненавидят из-за идиотски огромных «лежачих полицейских» на каждом перекрестке.

Упс.

Возможно, недооценив вес груза или забыв, насколько огромны «лежачие полицейские», Перро пролетает первый перекресток. Через долю секунды после того, как грузовик задевает днищем искусственную неровность, тысячи банок, бутылок и упаковок взлетают в воздух. Вверх и через двойной горб. И еще раз. *О боже!* Банки вываливаются за борт с трех сторон, дико подпрыгивая и раскатываясь во все стороны. Слитки консервированной ветчины влетают в припаркованную машину, оставляя четкий отпечаток в форме подковы на водительской двери; липкое пятно ветчинного сока украшает окно. По грузовику тянутся непристойные пятна арахисового масла с гирляндами из разбитого стекла. Косяк банок с тунцом пулеметной очередью влетает в три блестящих металлических мусорных бака у обочины. На другой стороне улицы мигающие огни автомобильной сигнализации и рев клаксона возвещают о нашем визите. Повсюду на моем пути лопается пиво – в воздух взмывают гейзеры желтой пены, вызывая в воображении картины, будто их обстрелял какой-то невидимый сторонник сухого закона. Мои дворники теперь включены, а в воздухе пахнет плохой студенческой вечеринкой.

Вспомнив о неровностях, Перро замедляет ход на следующих восьми или десяти перекрестках. Тем не менее груз продолжает трястись и перемешиваться в кузове. Мятые банки и коробки продолжают мигрировать к бортам кузова грузовика, только чтобы прыгнуть и умереть, как лемминги. Мы почти пересекли город и делаем поворот у тренировочной базы

---

⁵ Пиньята – мексиканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями.

ВМФ. Наконец-то мы можем разогнаться на шоссе. Мы проезжаем мимо КПП у главных ворот базы. Как по команде, двенадцать банок пива, расположенных возле откидного борта кузова, открываются, и залпы раздаются последовательно, как глубинные бомбы, падающие с кормы эсминца, охотящегося за подводной лодкой противника. Я смотрю, как один из военных показывает другому на нас.

НАМ КРЫШКА!

Следующие восемь-десять километров нашего пути проходят по узкому песчаному перешейку, отделяющему залив Сан-Диего от Тихого океана. Это темный и пустынный участок, и у полиции есть дела поважнее в субботу вечером, чем патрулировать его. Временно свободный от непосредственной опасности, я замечаю, что правый задний фонарь Перро выключен. *Бесна хрен-подобно.* Еще одна двухлитровая банка «Гавайского пунша» падает с его грузовика и сильно ударяется о нижнюю часть автобуса, резкий удар отдает мне в ноги. Наверняка к настоящему времени кто-то уже по горячим следам идет по следу продуктов и пива, которые мы оставили после себя. Каждая треснувшая банка на тротуаре безошибочно описывает картину преступления. Мы – современные Гензель и Гретель, ведущие всех, кто желает нас выследить, прямо к своим дверям. Как минимум понятно, что мы покинули город и направились на юг к Импераил-Бич, потому что отметились на единственной дороге, ведущей туда. Хуже того, на дороге нет ни одной машины, которая уменьшала бы вероятность того, что нас опознают как преступников.

Жертвенный автобус

Еще один поворот дороги, осталось меньше мили. *Не могу поверить, что нам это сойдет с рук!* Перро съезжает на обочину на несколько секунд, затем выправляет курс и возвращается на дорогу. Этот небольшой маневр поднимает облако пыли и сбрасывает за борт еще одну порцию товаров, снова уменьшая нашу добычу. Что-то бросается мне в глаза в темноте впереди; я напрягаюсь, чтобы разглядеть. *ВОТ ДЕРЬМО! Это машина полиции Коронадо!* За два года я ни разу не видел, чтобы в этом месте ночью пряталась патрульная машина! Днем – да. Это печально известное укрытие полицейских, ловящих нарушителей скоростного режима в течение дня. *Но сейчас?* Когда мы проезжаем, я замечаю, как на нас направляется его маленькая красная радарная лампа, и быстро проверяю нашу скорость. Пятьдесят восемь миль в час. *Нормально.*

Вот дерьмо! Его фары только что зажглись, и он выезжает на шоссе позади меня. *Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!* Он приближается ко мне почти вплотную. Не думаю, что Перро его заметил. *Мне надо подумать. Я не хочу сесть в тюрьму. Я не могу сесть в тюрьму! О чем я только думал?! Это было так глупо! Ладно, надо подумать... У меня есть идея. Если я врежусь куда-нибудь, ему придется остановиться и посмотреть, в порядке ли я, а Перро сможет свалить домой. Что, если Перро не поймет, что я разбился специально, и тоже остановится? Это был бы провал. Пожертвовать собой ради Перро, и все зря. Я должен это сделать. Мы не можем попасться вместе. Уж лучше я попаду в больницу, чем в тюрьму... Да. Пусть будет так. Если коп решит остановить нас, я сверну вправо. Интересно, подумает ли он, что я выпил? От моего фургона несет пивом. Держу пари, он чувствует запах даже из своей машины. Нет ни единого шанса, что он меня НЕ остановит.*

Еще четверть мили, и мы бы выехали из Коронадо. *ТВОЮ МАТЬ!* Он включил свои красно-синие мигалки! Я делаю глубокий вдох и готовлюсь к предстоящей аварии. Патрульная машина начинает обходить меня слева так быстро, что я теряю ее из виду на долю секунды и колеблюсь. Мигалки сверкают рядом со мной, полицейская тачка разгоняется по направлению к Перро.

Я что, просто трусил? Все происходит так быстро, я на секунду замешкался. *Хорошо, я все еще могу врезаться куда-нибудь, когда он подъедет к Перро. Он должен остановиться... верно? Я имею в виду, он бы не оставил без внимания горящие обломки в зеркале заднего вида, чтобы преследовать какой-то мусорящий грузовик... так ведь?*

Я снова готовлюсь к удару. *Раз, два, три... Стоп!* Он только что пролетел мимо Перро!!! Полицейский пролетает по дороге еще сотню метров, поворачивает и уезжает на север – со включенной сиреной и красно-синими стробоскопами. Он едет по вызову из Коронадо!

О боже! Интересно, его вызвали осмотреть кучу банок на дороге? Думаю, я только что намочил штаны. Никто не заметит. Я весь в поту, но дышу. Боги улыбаются нам. Мы вернулись в свой район.

Наш городок, Импераил-Бич, называют причудливым маленьким прибрежным тупиком, официально известным как «самый юго-западный город в континентальной части Соединенных Штатов». Большое-мать-вашу-дело. Единственная его претензия на известность – это тот факт, что он, по сути, истинная Метамфетаминовая Столица Штатов. Мы с притворной нежностью называли его Венерический пляж, где Мусор Встречается с Морем. Наши полицейские были клонами Барни Файфа⁶, а байкеры, они же «Ангелы ада», – авторитетными фигурами.

Мы были дома и были свободны.

---

⁶ Барни Файф – вымышленный персонаж американской телепрограммы «Шоу Энди Гриффита», бравурирующий, но некомпетентный полицейский.

Глава 2. На старт... Внимание...

Слишком подготовленные

Я никогда не был бойскаутом. Мой папа говорил, что это лишь отнимет у меня время на то, чтобы помогать ему в его фирме по производству корпусов для аудиоколонок. Я лишь пару лет был каб-скаутом (бойскаутом младшей дружины) и сделал бы все что угодно, чтобы сыграть в Малой бейсбольной лиге, но как только мне исполнилось девять лет, моему отцу надоело, что я трачу свое время впустую. После школы и в выходные мы были на работе. Я зарабатывал десять центов в час, пока мне не исполнилось двенадцать лет, а потом получал вдвое больше, пока мне не исполнилось почти пятнадцать. Мне всегда платили «на мой счет» (виртуальный счет, на котором не было денег). Моя мама постоянно обновляла баланс в книге учета. Отец сам не мог заниматься такими вещами, и я не верю, что он доверил бы мне хранить деньги самому. Я проверял свой баланс каждую неделю, думая, что когда-нибудь увижу эти деньги. Я полагаю, что сама вера в то, что у меня где-то «на моем счету» были деньги, заставляла меня чувствовать себя довольно хорошо.

Однажды июньским днем, когда мне было около одиннадцати лет, я случайно разбил машину своего отца, развлекаясь со своим тогдашним лучшим другом Чарли Брауном. (Спойлер: он уже мертв. Героин. Но да, его действительно звали Чарли Браун⁷). В этот момент мой баланс в бухгалтерской книге упал с 94,30 доллара до минус 5,20 доллара. (Посчитайте сами. Это всего лишь *около тысячи часов*, которые я провел на работе в возрасте с девяти до одиннадцати лет. Мне пришлось отработать пятьдесят два часа, чтобы выйти *в ноль*.) У моего отца была любимая палка, которой он помещивал краску и смешивал смолу. За эти годы она приобрела твердое, толстое покрытие, состоящее из слоев засохших покрасочных материалов. То, что некогда было куском твердой древесины размером 1,5 на 45 см, теперь было круглым и имело диаметр с рукоятку бейсбольной биты. Не сказать, чтобы моя задница была совсем незнакома с этой палкой. Даже такие тривиальные проступки, как пренебрежение работой по дому или просьба о чем-то во второй раз, когда он уже сказал «нет», неизбежно приводили к одному или двум ударам. Тем не менее в тот день я подслушал, как моя мама говорила по телефону, со слезами умоляя отца успокоиться, прежде чем она поедет за ним, очевидно, боясь того, что он может со мной сделать. Когда разговор закончился, она сказала мне, что он пообещал не бить меня, но настоял, чтобы она взяла меня с собой якобы для хорошей взбучки.

Он ждал нас с той самой палкой в руке, когда мы подъехали. Мама встала между ним и мной и взмолилась:

– Джек! Ты обещал не бить его!

Он оттолкнул ее в сторону.

– Я собираюсь показать ему только небольшой пример того, что он *на самом деле* должен получить, – и с этими словами он продолжил обрабатывать мою задницу и заднюю поверхность моих ног, пока не устал настолько, что не мог продолжать.

Я не ходил в школу несколько дней, будучи не в состоянии пройти больше пары шагов; мои синие джинсы прилипали к покрытой ссадинами коже. О том, чтобы сидеть, не могло быть и речи. Мое тело было покрыто мозаикой фиолетовых, красных и черных переплетенных рубцов от верхней части моей задницы до задней части коленей. Было ли это достаточным наказанием? Мой отец так не считал. Он посадил меня на три месяца «под ограничение». Сейчас я

---

⁷ Чарли Браун – один из главных персонажей серии комиксов Peanuts, созданный Чарльзом Шульцем и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года.

знаю, что «ограничение» для многих детей переводится как «не кататься на велосипеде» или «не смотреть телевизор». Черт возьми, я бы убил за то, чтобы иметь велосипед или телевизор, *от которых* можно было бы отказаться. Моя семья была лишена такой роскоши с тех пор, как я себя помню. Нет. Ограничение, по версии моего отца, не было идеей забрать что-то у ребенка. Это была сделка из серии «все, что ты будешь делать этим летом – это работать на меня».

И это именно то, что я делал. Поскольку мне приходилось ездить с ним в его магазин и обратно, я оказался в ловушке; меня заставляли работать в те же часы, что и он. В то время как все, кого я знал, наслаждались свободой от школы, строили крепости, гонялись за кроликами или играли на пляже, я резал изоляционный материал, сортировал и упаковывал оборудование, собирал опилки и красил спинки корпусов. Он заговаривал со мной только для того, чтобы объяснить, что делать дальше. И так – десять часов в день, шесть дней в неделю. (К счастью, мама таскала меня в церковь по воскресеньям, несмотря на то, что отец был убежденным атеистом).

Он был мудаком во всех отношениях, но от него я узнал одну важную вещь, наблюдая, как он ведет свой бизнес, – и это возвращает меня к теме бойскаутов. Я знал, как нужно *готовиться*. Мой отец вдалбливал мне: быть по-настоящему готовым – это больше чем просто быть готовым к тому, чего ты ожидаешь. Для него беспокойство и постоянное плохое предчувствие были жизненными парадигмами, исходя из которых он действительно практиковал готовность. Фраза «ожидай лучшего, но готовься к худшему» была девизом моего отца. Можно сказать, что наступление этого худшего – и готовность к нему – были вершиной, к которой нужно стремиться.

До отъезда в Мексику оставалось три дня, и я смутно осознавал, что заблуждался, считая все возможные потребности для нашей поездки на юг удовлетворенными. Тем не менее я навязчиво готовился к любому мыслимому бедствию.

Посмотрим... две тысячи миль в каждую сторону, еще тысяча миль случайных шатаний, пыльные условия... для этого нужна канистра моторного масла. Хм-м-м... У меня есть запасной карбюратор, лучше взять его. Запасной топливный насос, распределитель... никогда не знаешь наверняка. Свечи зажигания, наконечники, конденсатор, катушка? Без проблем. Беру их тоже.

В итоге у меня на борту образовался долбаный магазин запчастей для «Фольксвагена». Для меня складирование – это вид искусства. Я вырос, каждый день убирая отцовский хлам, и теперь зарабатывал на жизнь тем, что заполнял полки. Складирование похоже на головоломку: сделать так, чтобы для каждой детали нашлось место и каждая деталь была на своем месте.

Лось и Жеребец отвечали лишь за свои вещи, а я взял на себя ответственность за «общие» потребности. Кроме того, это была *моя* машина, и я не мог ожидать, что кто-нибудь, кроме меня, подумает обо всем, что нам может понадобиться. Лось и Жеребец придерживались мнения, что один общий кусок мыла может служить шампунем, стиральным порошком, средством для мытья посуды и так далее. *Дилетанты*. У меня же были пакеты со всем, от аспирина до зубной пасты, – сотня миниатюрных трофеев с «ночного шопинга» – крем для бритья, гель для душа, шампунь, кондиционер, лейкопластыри и наборы для шитья. *По дюжине всего*. У меня было более чем достаточно закусок и обедов: восемь дюжин брикетов пищевого концентрата, несколько пачек вяленой говядины, ящик арахисового масла и до задницы консервированного тунца.

Боже, Лось и Жеребец подумают, что я такой классный!

Все что угодно, я имею в виду – вообще на хрен все, что нам могло понадобиться или захотеться в этом походе – у меня было. Я взял все, что было можно, а потом еще немного.

Суррогатный отец

Я решил, что нам не хватает кулера. Несмотря на то что в 1DRBUS был встроенный холодильник, нам наверняка понадобится второй «холодильник», предназначенный исключительно для пива, верно? Не было никаких сомнений, у кого можно одолжить такой. В нашем районе, когда вам что-то требовалось, вы всегда могли положиться на гараж «с полным спектром услуг» отца Раку.

Мистер Рекер был инженером или кем-то в этом роде, и вместе с женой и Нанной (бабушкой Раку) жил в просторном доме в стиле ранчо на пляже прямо через дорогу от Поместья. Мистер Рекер был классным. На самом деле я тайно подозревал, что он хотел, чтобы я был одним из его детей. Не то чтобы Раку, его сын, был плохим парнем, просто он был не из тех, кого можно назвать амбициозным. Раку курил травку, занимался серфингом, курил травку, ел, курил травку, играл на гитаре, курил травку, дремал. У него все было. Его комната выходила окнами на море; кровать располагалась так, что ему нужно было только открыть глаза, чтобы проверить прибой. Миссис Рекер, его мать, готовила ему еду, стирала одежду, стелила постель...

Теперь, когда я вспоминаю об этом, то думаю, что мы с мистером Рекером, вероятно, думали в одном направлении. Я бы без раздумий согласился, если бы мне предложили стать его сыном. Не ради дома на пляже или беззаботной жизни без каких-либо обязательств – хотя и это было бы просто отлично. Дело в том, что мистер Рекер обращался со мной так, как будто я *что-то значу*. Он хотел, чтобы я преуспел в жизни. Он жил по принципу «пирога на всех хватит» и верил, что стремление ко всеобщему изобилию в конечном счете окупается более щедро, чем накопительство ради собственной выгоды, и не переживал о том, что кто-то может поставить ему подножку. На его философию было трудно поставить все деньги, но одновременно с тем ее было невозможно полностью отвергнуть.

Однажды днем мистер Рекер возился в своем гараже и пригласил меня зайти.

– Привет, Пол.

– Здравствуйте, мистер Рекер.

– Пол, я видел, как ты и несколько парней на днях отправились куда-то с клюшками для гольфа. Ты давно играешь?

– Нет, я только учусь. У нас была небольшая тренировка. Мне нравится. Думаю, что начинаю разбираться в этом.

– У тебя есть свои клюшки?

– Нам нужны были только сэнд-ведж и паттер⁸. Малыш Рики позволил мне взять его клюшки, но он говорит, что мне нужно обзавестись своими, если я хочу снова пойти с ним.

(Рик перестал расти, достигнув высоты чуть более полутора метров, и ненавидел, когда его называли Малышом Рики, но мистер Рекер знал этого мелкого слюнтяя под этим именем, а не под прозвищем Тампон Тейлор, которое *мы* все использовали для него.)

Он внимательно слушал. У меня было ощущение, что он что-то обдумывает. Не дожидаясь, пока я закончу, он поднял руку, вытянув указательный палец, как бы говоря: «Тихо», и дал мне знак подождать. Вытащив ключи из кармана, он второй раз сделал жест «подожди» свободной рукой, обошел свою машину, открыл багажник и вытащил сумку для гольфа с ее обычного места.

– Пол, я планирую купить себе новый набор клюшек в эти выходные. Как ты думаешь, если цена будет подходящей, тебе бы понравились эти старые?

---

⁸ Сэнд-ведж – клюшка, следующая в наборе после питчинг-веджа. Чаще используется для выбивания мячей из бункеров. Паттер – финальная клюшка в игре, именно ею совершаются удары на короткой траве, закатывающие мяч в лунку.

Он играл в гольф несколько раз в неделю и владел *прекрасным* набором дорогих клюшек. В глубине души я знал, что он предпочел бы передать их Раку. К несчастью для мистера Рекера, его сын целыми днями занимался серфингом, курил травку, играл на гитаре и дремал, оставляя ничтожно мало времени для гольфа.

– Ух ты, мистер Рекер! Вы серьезно? – Мне пришлось осадить себя. – Хм-м-м... э-э-э... ну... уф-ф... сколько вы собираетесь за них попросить?

Конечно, он видел, как энтузиазм сошел с моего лица, прежде чем продолжить:

– Ну, я заплатил четыреста долларов за набор пару лет назад, и я полагаю, что они все еще должны стоить примерно половину этой суммы.

Прежде чем я успел вставить слово, он продолжил:

– Но дело в том, что... Я действительно не хочу отдавать свою счастливую клюшку.

С преувеличенным почтением он достал из сумки потрепанную клюшку и отложил ее в сторону.

– Но я думаю, что мог бы отдать остальной набор за, скажем... Как насчет двадцати баксов?

Я купил клюшки. Мистер Рекер держал их неделю, пока я не внес второй десятидолларовый платеж, предусмотренный нашим соглашением, после чего мы пожали друг другу руки. После этого я потратил весь день на чистку и полировку. С тех пор, когда они не использовались, клюшки занимали свой особый почетный угол в моей спальне. После своего автобуса эти клюшки для гольфа, вероятно, были самой ценной вещью, которую я мог назвать *своей*. Поэтому, когда я отправился на поиски дополнительного холодильника для поездки, я начал с гаража мистера Рекера. Верный себе, он настоял, чтобы я взял его походный красно-белый цельнометаллический холодильник «Колман», пару фонарей и семейный набор походной посуды.

Внешность не имеет значения

Барри был бродячим серфером из Новой Зеландии, который недавно пристроился в Поместье. Не думаю, что кто-то приглашал его приехать сюда потусоваться, но он чувствовал себя как дома, ночуя в течение нескольких недель то на одном, то на другом диване. Может быть, так было потому, что его светлые волосы, как у Златовласки, по-мальчишески приятная внешность и характерный новозеландский акцент привлекали девушек – и, как правило, с ним всегда было две девчонки. Было легко терпеть парня, который всегда появлялся с «лишней» девушкой. Помню, что я покупал пиво на четверых, и не один раз. Удивительно, что вокруг не было других Барри. Это же классная тема!

Мне нравился Барри, потому что у него был автобус «Фольксваген» 1966 года, как и у меня. Ну, «как у меня» в самом общем смысле. Мой выглядел так, словно только что выехал из салона. Автобус Барри, напротив, выглядел как развалюха со свалки для шоу, в котором ремонтируют автомобили. В моем же были: специальная краска, хромированные бамперы, шторки, интерьер, отделанный деревом, полноразмерная кровать, встроенный холодильник, складная плита, потрясающая стереосистема... В автобусе Барри же не было даже переднего пассажирского сиденья.

Жизнь несправедлива, думал я всякий раз, когда Барри появлялся с парой горячих цыпочек, сидящих среди каких-то тряпок и упаковок от фастфуда на заднем сиденье его автобуса. Черт, я едва мог заставить девушку просунуть голову в мое окно, чтобы заглянуть внутрь. Но сегодня днем все выглядело совсем по-другому. Я расправил плечи и выпятил грудь, потому что сегодня мне можно было позавидовать. Утром мы уезжали на материк! Каждый квадратный дюйм автобуса сверкал на солнце, как драгоценный камень, когда я нанес последний слой воска и полироли. Когда я дышал на упрямое пятно на переднем бампере, пытаясь его стереть, появился Барри и поставил свое корыто рядом с моим автобусом.

– Как дела, приятель? – спросил Барри, но его внимание было явно сосредоточено на чем-то другом.

– *Yo vamos a Mexico en la mañana para los dos meses*⁹. – *Пришлось продемонстрировать примитивный испанский, на который я был способен.*

Не обращая на это особого внимания, Барри распахнул двойные двери со стороны пассажиров в своем автобусе, чтобы показать... что же еще? Двух милашек, сидящих, скрестив ноги, в куче мусора. Я повторил фразу на английском, и достаточно громко, чтобы быть уверенным, что на этот раз девочки ясно услышали, насколько я крут.

– Чувак, Лось, Жеребец и я утром отправляемся на юг. Два месяца на материке, приятель!

Не желая, чтобы всеобщее внимание переключилось на меня и уже зная историю, Барри едва заметно вздрогнул.

– Да, точно, приятель. Есть что-нибудь холодненькое для моих подруг?

Проскользнув мимо него, более горячая из двух девушек бочком подошла прямо ко мне и легкомысленно произнесла:

– *Bay!* На материк на два месяца? Ты рад?

А-ха, самодовольно сказал я про себя. *Вот «приключение», которое заводит цыпочек!*

– Да. Я в полном восторге.

И это лучшее, что я мог придумать? Почему мой мозг отключается рядом с милыми девушками? Она явно клюнула на меня, верно? Я должен что-то сделать, чтобы она не потеряла интерес. Я указал на открытые двери своего автобуса.

---

⁹ Утром я уезжаю в Мексику на два месяца (*исп.*).

– Посмотри, как я подготовился.

Неудивительно, что у меня нет девушки. Ну что за придурок.

– Серьезно? Дай мне посмотреть.

Да вы шутите. Но, может быть, у нее пунтик на нелепых ботаников!

Я начал было говорить что-то еще, но она оборвала меня.

– Где пиво?

Так вот в чем дело. Меня просто разводят. Боже, они с Барри похожи как две капли воды. Сейчас я не куплюсь на подобное дерьмо. Мой полностью загруженный холодильник с охлажденным пивом предназначен для поездки, а не для этих клоунов.

– На самом деле мне нужно еще кое-что подготовить. Знаешь... например, помыть окна и все такое... э-э... может быть, в другой раз.

Звучит совершенно неубедительно, но почему меня это должно волновать?

– Не волнуйся, приятель. Мы видим, что ты надраиваешь тут все для своей поездки, но...

Барри повернулся и оглядел свой собственный дерьмовый автобус с ног до головы, сверкнул раздражающе ослепительной улыбкой девушкам, наклонился ко мне и прошептал достаточно громко, чтобы все слышали:

– Просто помни, приятель... Важно не то, как она *выглядит*, а то, как она *едет*.

Девушки взяли Барри под ручки, и троица отправилась на поиски четвертого, кто сможет проспонсировать пивом их вечеринку.

Ну и кто в итоге выиграл? Барри и его случайные шлюшки меня достали.

Кроме того, у меня есть работа, которую нужно сделать.

Переломные моменты Кармы, Удар первый: Камера

Подобно тому, как одна из множества капель становится последней и переполняет чашу, у кармы тоже есть свои точки невозврата. Пройдите одну, и вам придется пройти через ад, заплатить штраф и испытать боль. Думаю, я осознавал, что для меня настал переломный момент. Я не уверен, что Лось или Жеребец когда-либо испытывали это чувство. О, конечно, они знали, что некоторые из поступков, которые они совершали, были неправильными, но отвергали это как «дерьмо, которое сошло им с рук». Я не думаю, что кто-либо из них когда-либо рассматривал возможность того, что Бог – или Вселенная – ведет подсчет. (Обдолбанный и настроенный философски, Лось однажды вечером поделился со мной мудростью о том, что «две его ошибки не были ошибками, пока его не поймали», и я даже не пытался разубедить его в этом.) Проступком, который стал *моим* личным кармическим переломом, я считаю, стала история с камерой. Оглядываясь назад, я понимаю, что таким образом сама карма предложила мне отказаться от поездки в последний момент. Предложила последнюю возможность поступить правильно... или нет.

Я не знал этого парня лично. Он представился как Дэн-Оу. Сказал, что он друг Поп-фиша, одного из мудрых патриархов Поместья. Дэн-Оу был героиновым наркоманом. Конечно, ограбившим собственную бабушку ради дозы, опустившимся на самое дно наркоманом. И вот он стоит в моей квартире, явно взбудораженный, сжимая в руках грязный рюкзак. Я едва мог его понять. Его речь в основном была просто набором бессвязных звуков. Быстрый, порывистый поток сознания, едва различимый лепет, напоминающий пьяного Тома Петти¹⁰.

– Чувак... Я слышал, ты направляешься в Мексику с моими братанами, чувак.

Черт тебя дерь. Это последний парень в мире, которому следовало бы знать, что меня не будет дома пару месяцев! Спасибо, Поппи.

– Я... у меня есть камера, мэн. Раздобыл вчера в Ла-Холье... В смысле... этим утром... Да, этим утром, мэн.

Его трясло, он заикался, произнося слова. Прозрачная капля соплей свисала у него под носом, готовясь к запуску.

– Зацени, мэн. Поп-фиш говорит, что ты любишь снимать... знаешь, мэн... он сказал, что ты... он сказал, что ты хочешь снять фильм о серфинге или что-то типа того.

Я нерешительно начал отмахиваться от него, но мое любопытство перевесило, когда он плюхнул свой рюкзак на кухонный стол. Он не сказал ни слова. Я не был уверен, что он смог бы – выглядел он совсем потерянным. Его руки не синхронизировались с мозгом. Я заметил его заметно потемневшую от солнца кожу и грубые отросшие ногти с запекшимися под ними каемками бог знает чего. Он боролся с застежкой-молнией. Затем, прервавшись, одним плавным движением Дэн-Оу повернул голову и вытер нос о плечо – его рубашка явно привыкла к такому. Проиграв битву с молнией, он разочарованно посмотрел на нее и протянул рюкзак мне.

– Открой его, парень... Ты увидишь... это то, что ты... ты увидишь... Я раздобыл ее сегодня утром, мэн.

Я больше не хотел участвовать в этом, и язык моего тела выдал меня. Барабания кулаком по столу, Дэн-Оу неуклюже выстукивал какую-то нелепую дробь, чтобы привлечь мое внимание, прищурил глаза, чуть склонил голову набок и наклонился, чтобы сделать последний решительный шаг.

– Давай, парень... Я проделал чертовски долгий путь. Поп-фиш сказал мне... ты должен помочь мне здесь, мэн... ОТКРОЙ ЕГО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

---

¹⁰ Томас Петти (1950–2017) – американский рок-музыкант.

От него несло отработанным моторным маслом, или разлитой аккумуляторной кислотой, или чем-то в этом роде. *Я должен вышвырнуть его отсюда!*

– Успокойся, мэн. Ты хочешь, чтобы я заценил? Я заценю. Не заводись, хорошо?

Я потянул молнию, и сумка легко открылась, обнажив верхнюю половину дорогого кожаного футляра для камеры.

Черт, выглядит весьма солидно.

Я уловил неповторимый и знакомый сладкий аромат тонкой кожи с ноткой нового металла, пробивавшийся сквозь зловоние Дэна-Оу.

Стоя во весь рост, скрестив руки на груди, Дэн-Оу раскачивался на каблуках, явно гордась своим товаром, словно я разворачивал подарок на день рождения, который он выбрал специально для меня. Он сказал, смягчив интонацию:

– Открывай, мэн... Ты сам все поймешь. У этих сраных коротышек полно крутых штук.

О Господи... Он предлагал мне камеру какого-то несчастного японского туриста. И не просто какую-то камеру. Это была совершенно новая, первоклассная кинокамера Nikon XL8S Super-8 с мощным зумом, телеобъективом, замедленной съемкой и стоп-кадром... Та самая камера, над которой я пускал слюни месяцами!

– У них был штатив, но мне пришлось его бросить, мэн... Они гнались за мной, мэн. Маленькие ублюдки почти достали меня! Чувак, думаешь, это правда, что все эти убьбки знают кунг-фу? Они точно орали какую-то херню об этом, мэн.

Я на мгновение оторвал глаза от камеры и увидел, как мой новый «друг» обретает второе дыхание. Он испытывал прилив адреналина, заново переживая утреннее приключение, – и снова попытался взять ситуацию в свои руки. Предательская сопля не попала на камеру, но украсила мой стол.

Охренеть.

Он невозмутимо продолжал:

– Зацени, мэн. Там... там вроде бы все эти пленки в маленьких коробочках, мэн... прямо здесь, сбоку, мэн.

На этот раз справившись с молнией, Дэн-Оу открыл боковой карман, и мое сердце подпрыгнуло к горлу. Диснейленд, Ягодная ферма Нотта, Морской мир, свадьба Кико... Прямо здесь. Ясно как день. Скромные красно-желтые картонные коробочки с пленкой выстроились в идеальный маленький ряд, каждая из которых была тщательно помечена четким черным маркером. Неудивительно, что люди были так взбешены. Дело было не только в том, что у них украли камеру. Можно купить новую. Черт возьми, возможно, она даже была застрахована. Это были их *видеозаписи*. Эпический эпохальный отпуск и семейная свадьба, увековеченные на пленке и украденные подонком-наркоманом. Они, должно быть, были опустошены. Я физически ощутил укол вины в грудной клетке и бессознательно отпрянул от сумки.

– Они были чертовски глупы, мэн. Оставили ее прямо там, на переднем сиденье, мэн, где любой мог ее стащить – вот так, – он щелкнул пальцами для пушей выразительности. – Дай мне двести баксов, чувак. Это стоит вдвое дороже.

Этот парень понятия не имеет, сколько она стоит. Восемьсот семьдесят долларов в Nelson's Camera в центре города, может быть, тысяча с учетом налога, чехла, дополнительных опций.

Я изо всех сил старался сохранять безразличный вид, но в этой камере было все, о чем я когда-либо мечтал.

– Я дам тебе семьдесят пять.

Я только что это сказал? О чем, черт возьми, я думаю? Я не хочу иметь с этой вещью ничего общего! Она пропитана злом.

Охваченный ломкой, Дэн-Оу ударил правой ладонью по столу и заорал:

– Пошел ты! Сто двадцать пять или я сваливаю!

– Остынь, парень! Ты меня до инфаркта доведешь. Дай мне взглянуть поближе.

Изо всех сил старающийся не показывать страх, я просунул пальцы в рукоятку камеры, чтобы унять дрожь. Поднес видеоискатель к глазу и оглядел комнату. Дэн-Оу затенял меня, когда я опустил жалюзи и приблизил изображение заднего дворика Рекеров на другой стороне улицы. В видеоискателе появилось кристально чистое изображение щенка бульмастифа Раку, Макса, который одержимо лакал жирное пятно под их барбекю.

Черт, мне нравится эта камера! Если я ее не куплю, это сделает кто-нибудь другой. По крайней мере так хоть я буду ею наслаждаться.

– Сто баксов, Дэн-Оу?

– Хорошо, чувак. Сто баксов. По рукам.

Он протянул руку, чтобы скрепить нашу сделку рукопожатием, и я нехотя подчинился.

Что я наделал? Все мои деньги для путешествия были спрятаны в спальне, и я должен отдать часть из них человеку, который известен как конченный вор. Что еще хуже, он стоял у меня на кухне! Могу я попросить его выйти на улицу на минутку? Что в таких случаях делают в кино? Может, я просто оставлю дверь спальни приоткрытой, пока буду доставать бабки? Ага, точно... Было бы довольно глупо закрыть дверь и оставить его там со всеми моими вещами, верно? Думаю, это не будет смотреться нелепо. Твою мать! Я бы хотел, чтобы Перро был здесь, чтобы присматривать за этим парнем за моей спиной!

– Устраивайся поудобнее. Я принесу деньги.

Звучит так, будто я прошу его расслабиться и потусоваться со мной. *Боже. Я просто парень типа «mi casa, su casa»¹¹, не так ли?*

– Все в порядке, мэн. Я подожду... просто принеси деньги, мэн.

Я сделал пару шагов в сторону своей спальни и, почувствовав, что он идет за мной, повернулся и сделал рукой знак «стоп».

– Послушай, Дэн-Оу, я сказал, что принесу деньги. Подожди здесь секунду. – Указав на стол, я добавил:

– Просто сядь вон там.

Насколько это было очевидно? Вот дерьмо. Чего он ожидает? Он же знает, что он подонок. Захотел бы он сам, чтобы парень вроде него был в его спальне?!

Он увидел мой жест и остался на месте... вроде как. Он переминался с ноги на ногу, как будто только что пришел с холода – или ему нужно было отлить. Я хотел скорее покончить с этим и выставить его к чертовой матери. Войдя в свою спальню, я открыл шкаф и подумал, слышал ли он, как дверь отъехала в сторону. Я оглянулся через плечо, чтобы проверить. Он стоял в дверном проеме, ярко освещенный сзади, как убийца с топором в фильме ужасов.

Ну что ж, мы уезжаем через несколько часов. Я найду новое укрытие, когда вернусь. Откидываю капюшон старой куртки, и вот они: семьсот баксов. Надеюсь, он не видел всю пачку. Пытаясь заслонить ему обзор, я немного повозился с деньгами и, не подумав, облизал пару пальцев, чтобы легче отделить купюры от пачки. Опять этот запах. Боже милостивый, это ужасно! Слишком яркий образ рук и пальцев Дэна-Оу промелькнул у меня в голове, и мой желудок сжался. Мне нужно куда-нибудь сплюнуть. Я ничего не мог с собой поделать и еле сдерживал рвотный рефлекс. Обернув три пальца в рукав рубашки, я сделал все возможное, чтобы стереть токсичную слизь с языка.

Дэн-Оу сделал шаг ко мне.

– Что с тобой, мэн? Ты увидел призрака, мэн?

– Ничего, мэн. Мне кажется, мне в рот залетел жук. На вкус как дерьмо.

---

¹¹ «Мой дом – твой дом» (исп.).

Вытащив пять двадцаток, я засунул остаток наличных в маленький карман, вшитый сбоку в мои шорты, закрыл клапан и пару раз похлопал по нему, чтобы убедиться, что липучка крепко держится. До меня донеслось мощное дуновение *eau de Dan-O*. Клянусь, от этого амбре слезились глаза. **ЧУВАК, ПОЖАЛУЙСТА! Уберишься из моей спальни! Мне же еще здесь спать!**

– Вернись на кухню. Я дам тебе твои бабки.

Он отступил от дверного проема и нащупал за собой кухню, не отрывая взгляда от сотни баксов в моей руке – идеальная карикатура на собаку, ожидающую своей миски с обедом. Я указал ему на стул и жестом пригласил сесть. Он сел как по команде. *Сидеть, стоять, переворот! Чертовски бессердечно с моей стороны так думать.*

Я разложил двадцатки веером на столе, не желая снова вступать с ним в контакт. Дэн-Оу сгреб их, вслух пересчитал свои деньги и поднялся, чтобы уйти.

– Все верно, мэн. Ты не прогадал. Мне пора идти, мэн. Приятно иметь с тобой дело, мэн. Я как-нибудь вернусь и выпью с тобой пива, мэн... Позже.

Теперь мы друзья??? Охренеть.

– Да, конечно, мэн. Давай.

Входная дверь открылась, и в лицо мне полетел прощальный порыв *этого* запаха. Рефлекторно я прикрыл рот и нос ладонью. Не обращая внимания на непреднамеренное оскорбление, он ушел, прибавив шагу.

Вернувшись на кухню, я вымыл руки и лицо средством для мытья посуды, как только за ним закрылась дверь. Я чувствовал, что мне нужно принять душ и переодеться, но все, что я хотел бы надеть прямо сейчас, уже было упаковано для поездки. Остались только я и моя модная новая камера. Чувство вины вернулось. Я не мог оторвать глаз от аккуратного маленького ряда красно-желтых коробок на моем столе. С таким оборудованием записи в этих коробочках должны были быть весьма хороши. Бывший хозяин камеры знал толк в технике.

Я вернулся в суровую реальность. *Что я буду делать с его пленками?* Моя совесть говорила, что я не могу просто выбросить их. *Это просто неправильно во многих отношениях.* Эти люди проехали полмира, чтобы снять эти фильмы! *Может быть, мне стоит как-нибудь попытаться найти владельца? Нет, это было бы глупо. Меня арестуют. Может быть, постепенно чувство вины отпустит меня?* Эта извращенная логика взяла верх. Машинально, одну за другой, я открыл все коробочки и вытащил содержимое на свет, засветив непроявленную пленку. Вы не можете видеть, как пленка портится, когда на нее падает свет. Он просто мгновенно делает свое дело, а потом все заканчивается. Я знал, что это ставит меня на одну ступень с Дэном-Оу, но пути назад не было. Я это сделал. Теперь испорченную пленку можно выбросить. *В конце концов, она больше никому не нужна, верно? Я чувствовал себя дерьмово.*

Я должен выбросить это из головы, иначе это повлияет на мою поездку в Мексику.

Переломные моменты Кармы, Удар второй: Непредумышленное убийство

Я как раз закончил разогревать остатки спагетти, когда в парадную дверь ворвался Перро.

– Лось убил кого-то в прошлом году.

Он сказал это так, словно сбросил бомбу.

– ЧТО?!

– Не похоже, что он сделал это нарочно или что-то в этом роде. Но да, он убил свою девушку в автокатастрофе. Я только что узнал. Жеребец сказал мне. Оптерс, ты помнишь, когда мы только переехали сюда, у него вся челюсть была зашита?

– Да, я знал, что он попал в серьезную автомобильную аварию, но...

– Так вот, остальная часть истории заключается в том, что он был под таблетками и врезался на своей машине в дерево на Бонита-роуд. Мгновенно убил свою девушку и искалечил к херам двух других людей на заднем сиденье.

– Да ты прикалываешься.

– Вообще ни разу. В прошлом месяце его признали виновным в непредумышленном убийстве, и завтра он должен сесть в тюрьму. Он был освобожден под залог.

– Но утром мы уезжаем в Мексику... – В голове у меня все было как в тумане. – Ты хочешь сказать, что он *сбегает*? – Мой голос надломился, как у подростка, на последнем слове.

– Да. И *ты* его проводник через границу, Пол.

Вау, Перро использовал мое настоящее имя. В Поместье никто никогда не пользовался настоящими именами. Ни при родителях. Ни при подружках. Ни при боссах. Значит, все серьезно.

Изо всех сил пытаюсь осознать ситуацию, я откинулся на спинку дивана и принялся ковырять вилкой липкую пасту.

– Так... что он, говоришь, задумал?

– Лось убил человека и теперь использует тебя, чтобы сбежать в Мексику. Что из этого ты не понимаешь?

Я оцепенел. Тема *The Tonight Show* сюрреалистично доносилась из старого черно-белого телевизора в моей спальне. Разрозненный набор мыслей пронесся у меня в голове. Я заметил, что надолго непроизвольно задержал дыхание. Наблюдая за глазами моего лучшего друга в надежде получить какой-то знак, я ждал, что что-то нарушит тяжелую тишину.

– Это чушь собачья, Перро. Почему они позволили ему оставаться на свободе все это время?

– Жеребец сказал мне, что адвокат отложил заключение Лося до тех пор, пока ему не снимут швы с челюсти, чтобы он смог нормально есть. Я не прикалываюсь, Оптерс. Тебе лучше молиться, чтобы тебя не поймали утром, когда ты будешь переправлять Лося через границу, иначе ты отправишься в тюрьму вместе с ним.

– Что мне делать?

Черт, прозвучало не слишком жалобно?

– Я не знаю. Ты в заднице, что бы ты ни решил. Лось убьет тебя на хер, если ты сейчас съедешь, и ты отправишься в тюрьму, если тебя поймут, когда ты будешь его переправлять.

Перро использовал слово «убьет» не ради красного словца. Его описание затруднительного положения, в котором я оказался, было недалеко от истины. Лось обладал телосложением полузащитника из американского футбола и характером бешеного питбуля. Он был лучшим парнем, которого можно было заполучить в свою компанию, и абсолютно худшим из тех, с кем можно было поссориться. Мы все терпели его, потому что одно его присутствие держало других серферов подальше от «нашего места». Однажды он разогнал первенство штата по сер-

фингу, бросаясь с криками на каждого из участников, пока они не выбежали из воды на берег. Один несчастный решил настоять на своем. Лось схватил его, поплыл ко дну и держал там, пока тот чуть не утонул. Организаторы сняли свои навесы, упаковали свои трофеи, и на этом все закончилось.

– Черт возьми, Перро! Если бы ты мне не сказал, я бы и не узнал.

– Глупость не освобождает от ответственности, Оптерс. Ты сам меня этому научил. Помнишь?

Мой разум был в смятении, и я не сразу понял, что он имеет в виду.

– Ты хотел сказать «незнание закона не освобождает от ответственности».

– Видишь? Я прав. Ты в заднице.

Я начал объяснять:

– Если бы я не знал, что Лось нарушает закон, уехав со мной... – Вздохнув, я сдался. –

Ты прав. Я в заднице.

Перро протянул правую руку и схватил меня за плечо с притворным сочувствием.

– Эй, ну а зачем еще нужны друзья? Так что ты собираешься делать?

Жребий был брошен. Мои альтернативы были сомнительными, но кристально ясными. Если бы я сейчас кинул Лося и Жеребца, меня бы порвали в клочки – это ясно как день: я мог бы начинать искать новое место для жизни. Если я рискну перевезти Лося через границу, у нас будет один шанс из двух, что мы сделаем это незаметно.

– Ты можешь *никому* не рассказывать, что я знаю о Лосе, хорошо? Пообещай хранить это в тайне.

– Так ты едешь?

– Утром мы выдвигаемся.

Довольный тем, что выполнил свою миссию, Перро заметил камеру рядом со мной на диване. Я рассказал ему о визите Дэна-Оу и о том, что он украл камеру, но ни слова не сказал о пленках. Мне не было нужно дополнительное чувство вины перед поездкой. Этот поступок был моей тайной, и он мучил мое сердце, когда я доедал свои, теперь уже остывшие спагетти.

Глава 3. ...Марш

«Эй, Боже»

Было два часа ночи, и я перестал пытаться заснуть пару часов назад. Чувство вины и нервное напряжение подпитывали безостановочный поток вопросов, безжалостно атаковавших мою голову: *интересно, в супермаркете уже все поняли? Мог ли я что-нибудь сделать, чтобы вернуть пленку этому бедняге? Они же на самом деле не посадят меня в тюрьму за то, что я переправлю Лося через границу, не так ли?*

Неудержимая дрожь охватила меня, пытаясь пробудить от этого кошмара. Боже, я полностью потерял контроль над собой... О чем я, черт возьми, думал? ЛЮБАЯ из этих вещей испортит мне жизнь и приведет к тому, что меня арестуют. Интересно, на кого я настолько пытаюсь быть похожим – или кому пытаюсь понравиться, – что это заставляет меня делать такие глупости? На Лося или Жеребца? Я не хочу закончить так же, как они! Ведь у Лося в данный момент в его жизни есть только два варианта: отправиться в тюрьму или бежать от правосудия. Ему лет двадцать пять – двадцать шесть, и я не завидую тому, что он катится по наклонной. А фантомная будущая плантация Жеребца не будет по нему скучать, когда он уедет на два месяца? Не говоря уже о его схеме импорта мексиканского лайма или какой-нибудь другой нелепой идее, которую ему еще предстоит воплотить в жизнь? Он двадцатичетырехлетний официант, работающий неполный рабочий день – и это его главное достоинство! Не думаю, что кому-нибудь известно, как ему удастся ежемесячно платить за квартиру.

Встав с кровати, я тихонько проверил дверь своей спальни, чтобы убедиться, что запер ее, затем подошел к окну и опустил жалюзи. *Было бы крайне унижительно, если бы кто-нибудь узнал, что я собираюсь сделать!* Ай, да какого черта. Стоя на коленях у своей кровати, я начал молиться как мог.

– Эй, Боже... Я имею в виду... Боже милостивый... Э-э-э... В последнее время я много раз облажался и сожалею об этом... правда. Я не просто так это говорю, понятно?

Не думаю, что молитва выглядит именно так.

– Э-э... Просто хочу, чтобы ты знал: я понимаю, что пора прекратить заниматься фигней и что я остановлюсь, прежде чем сделаю что-то действительно плохое, хорошо?

Надеюсь, Он поможет мне понять, как лучше сказать Ему все это.

– О'кей, вот что я пытаюсь сказать... Боже, если бы Ты мог, пожалуйста, помочь мне оставаться в безопасности во время этой поездки в Мексику... и вернуться целым и невредимым... Я обещаю никогда больше не делать тех дерьмовых вещей, которыми я занимался в последнее время.

БАМ! БАМ! БАМ!

– Оптерс! Поднимай свою задницу с кровати! Пора выдвигаться! – Лось стоял у двери моей спальни.

Моя дверная ручка задержалась.

– Ну же, Оптерс! Мы видим, что у тебя горит свет. Погнали уже! – Жеребец тоже был там. Что ж, погнали. Ах да, чуть не забыл:

– Аминь, Боже.

Открыв дверь, я притворно зевнул и потер глаза.

– Господи! Вы, ребята, напугали меня до чертиков!

Лось поднял левую руку, держа одну из тех пластиковых «хозяйственных сумок» из сетки, которые мексиканские крестьяне используют для всего подряд. В ней были ласты, трубка, маска, шорты и что-то похожее на два или три рулона туалетной бумаги. На нем были

рванные сандалии хуараче, в которых он ходил всегда, когда не серфил и не спал, и пожелтевшая поношенная футболка, один в один как та, в которой я чистил свой автобус днем раньше.

– Остальной наш хлам внизу, у твоего фургона. Дай мне ключи, чтобы я мог бросить все на заднее сиденье.

Мой автобус был идеально упакован. Место было для всего, и все было на своем месте. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь *бросал* что-нибудь на заднее сиденье.

– Эй, если мы готовы выдвигаться, то погнали. Давайте, я покажу вам, ребята, куда девать ваш хлам.

– Что-что, Пол Э. Оптерс, ты нам не доверяешь? – спросил Жеребец, подражая актеру из «Трех балбесов».

– Да нет же, чувак, все нормально. Давай просто покончим с этим!

Очевидно, они оба уже некоторое время были на ногах и занимались подготовкой к дороге. Толстые черные тросы крепили их доски для серфинга к стойкам на крыше, остальная часть их снаряжения лежала двумя кучами возле дверей автобуса. Одна куча состояла из того, что брал с собой человек, отправляющийся в страну третьего мира на два месяца: спальный мешок, складная походная кровать, рюкзак, вещевой мешок, маска, ласты, трубка; и похожая на копье штука с петлей из медицинского жгута на одном конце, называемая гавайским слингом. Другая куча в целом не была именно «кучей». Старое одеяло, свернутое и перевязанное куском потертой пеньковой веревки, потрепанный пакет из оберточной бумаги для продуктов и старая потрепанная картонная короба без верха. Прежде чем я понял, кому какая куча принадлежала, Лось взял скрученное одеяло и сунул старую коробку под мышку.

– Что в коробке, Лось?

Жеребец вмешался, прежде чем тот успел среагировать:

– Грязные журналы. Лось говорит, что это страховка на случай неприятностей с Федеральной полицией Мексики, но на самом деле он просто хочет подрочить в твоём автобусе.

– Пошел ты, Жеребец. Я же рассказывал о контрольно-пропускных пунктах, Оптерс, – сказал Лось, показывая насквозь потрепанный журнал. – Дай *федералес* пару таких, и ты станешь их лучшим другом. Они не могут достать такие журналы у себя. У них нельзя показывать волосы или что-то в этом роде... Я не знаю... Я знаю только, что это работает. Они уже вытаскивали меня из дерьма.

– Если они не могут доставить их туда, не означает ли это, что у нас могут возникнуть проблемы из-за того, что они у нас есть? – задал я очевидный вопрос.

– Да, возможно, но не беспокойся об этом. Они лучше, чем наличные, для подкупа федералес. Доверься мне.

Да, фраза «доверься мне» очень убедительно звучит от парня, который умолчал, что собирается использовать меня, чтобы избежать тюрьмы. Да, я тебе полностью доверяю.

– В любом случае я не хочу, чтобы они были на виду, так что как-нибудь засунь их под кровать, хорошо?

Тем временем Жеребец закончил укладывать свое снаряжение и забрался на переднее пассажирское сиденье.

– Я на переднем!

– Только пока мы не пересечем границу, Жеребец! – выпалил Лось, но тут же осекся. – Э-э-э... ты... э-э-э... Мне нужно показать Оптерсу, как добраться до платной дороги, как только мы перейдем.

Ага, правильно. Желание спрятаться на заднем сиденье, когда мы пересекаем границу, тут ни при чем, правда?

Лось ворчал и ругался себе под нос, изо всех сил пытаясь втиснуть свою коробку с хламом под кровать.

– Проклятье, Оптерс! У тебя здесь столько дерьма, что моя коробка ни за что не влезет! Для чего тут эта гребаная труба?

Со звуком «умф» и громким «стук-бам» он отбросил домкрат, втиснул свои сокровища на освободившееся место и запер дверцу шкафа.

– Эта *гребаная труба* – наш домкрат, Лось! На случай если мы пробьем колесо или типа того.

– К черту все это. Ты слишком много беспокоишься. Если ты его не возьмешь, он нам не понадобится. Найди для него другое место, если ты так стремишься к неприятностям!

Я стоял, держа домкрат перед собой на вытянутых руках, словно подношение, размышляя о том, что сказал Лось – и о реальности, – так как для домкрата не было *абсолютно никакого места*, разве только под ногами.

– Я сейчас вернусь.

Хоть раз в жизни я буду ожидать лучшего и оставляю домкрат дома.

Лестница, через две ступеньки на всем пути наверх; прислонить домкрат к стене прямо за дверью моей спальни; перепрыгнуть последние три ступеньки на обратном пути вниз. Я вернулся в автобус через тридцать секунд – но этого было недостаточно. Жеребец наклонился в открытое водительское окно машины своей подружки, оставив нам на обозрение только свой зад.

– Что там у Жеребца? – спросил я Лосю, положившего локти на спинку моего сиденья, а его большая голова полностью заслоняла мое окно со стороны водителя.

– А-а-а... Шерри говорит, что он не может поехать или что-то такое. – Хрипло втянув воздух, он проревел сквозь утреннюю тишину:

– Давай, Жеребец! Ты едешь или нет?

Жеребец выпрямился, повернулся и рывкнул в ответ:

– Заткнись, Лось! Мне нужно кое с чем разобраться.

Шерри явно была разбита: слезы катились по ее лицу, она всхлипывала и почти не скрывала этого.

– Прояви хоть каплю вежливости, Лось. Я имею в виду... черт возьми! Шерри выглядит так, словно только что узнала, что кто-то умер. Дай им пару долбанных минут!

Я на мгновение почувствовал прилив гордости за то, что действительно возразил Лосю. *Никто* не делал этого без последствий.

Жеребец оторвался от окна Шерри, и я уловил обрывок его фразы:

– Плевать. Я уезжаю.

– ТЫ УБЛЮДОК! – Шерри закричала, как будто только сейчас осознала жестокий обман или получила смертельную рану. – ТЫ ОБЕЩАЛ МНЕ! Ты ублюдок, я надеюсь, что ты там умрешь! Ты обещал... Ты обещал... ты... – Рыдания лишили ее способности говорить связно, и она рухнула на руль. – Т... т... ты ... уб... уб... ублюдок!

Ни разу даже не оглянувшись через плечо, Жеребец добрался до автобуса и открыл пассажирскую дверь.

– Трогай. Давай свалим отсюда к чертовой матери, – тон его был серьезным и сдержанным.

Отрывистое «поп-поп-поп-поп-поп» двигателя старого «Фолькси» возвестило о своеобразном падении занавеса на сцену, когда мы отъехали от Поместья.

\$6,66

Граница находилась в десяти минутах езды от Поместья. Чуть меньше километра к северу. Остановка. Поворот направо и три километра на восток. Поворот на автостраду, пять километров на юг, и вы в Мексике.

Жеребец пристально смотрел куда-то мимо зеркала заднего вида, установленного за его окном. Лось лежал на животе на кровати, свесив обе ноги и подперев голову руками, как будто он устроился на полу в гостиной, чтобы посмотреть телевизор, и был поглощен тем, как исчезают окрестности за задним окном. Мы ехали уже пять минут, собираясь выехать на автостраду, и до сих пор никто не произнес ни слова. Все были глубоко погружены в свои мысли, и я не думаю, что кто-то обратил внимание на звенящую тишину.

– Нам нужно остановиться у «Спиди Март» и заправиться, – мой голос разрезал тишину, а вместе с ней и физически ощущавшееся напряжение.

– Да ты, мать твою, издеваешься. Ты еще не заправился? – зарычал Лось в заднее окно, не меняя позы.

– Не заводись. Я хочу заправиться хорошим бензином, прежде чем мы пересечем границу. Скоро мы будем заливать дерьмом на REMEX¹². Эй, магазин открыт. Кому-нибудь что-нибудь нужно?

– Да, точно. Что мы выбросим, чтобы освободить место?

Несмотря на то что он был тем еще умником, я подумал, что Лось был прав, когда я вошел внутрь, чтобы оплатить бензин.

В помещении было пусто, если не считать кассира.

– Колонка номер три. Вот десять баксов, но заправка до полного бака будет стоить около шести, – сказал я, кладя купюру на прилавок.

– Направляешься в Мексику? – Продавец был очень похож на кого-то, кто серфил с нами. – Вы двое выглядите так, будто готовы к долгой поездке.

– Да. Нас трое. Еще один парень сзади.

Зачем было это говорить? Я имею в виду, что Лось прячется сзади, чтобы я переправил его через границу и помог ему избежать тюрьмы, а я здесь отыгрываю мистера Полное Разоблачение. Теперь уже слишком поздно, черт возьми.

– Круто. Эй, я видел тебя и другого парня в море. Это же Жеребец, верно? – Я кивнул, и он продолжил:

– А ты кто?

Я ненавидел эту тему.

– Они называют меня Оптерс.

– Оптерс?

– Оптерс. Пол Э. Оптерс. Это дурацкое прозвище, но меня все так называют.

– Что это значит?

– Не знаю. Эй, колонка работает?

– Да, конечно. – Он отвел взгляд, и его голос немного дрогнул, выдавая неприязнь.

– Счастливого пути.

Наконец-то. Бедняге, должно быть, смертельно наскучило работать в эту смену, но в мои обязанности не входило составлять ему компанию в три часа ночи. Я решил, что разговор окончен, и повернулся к двери.

Как только я толкнул дверь, он окликнул меня снова.

---

¹² Remex, он же Petróleos Mexicanos – мексиканская государственная нефтегазовая и нефтехимическая компания, монополист розничной продажи бензина.

– Эй, Оптерс... Ты не сказал, кто третий. Может быть, я тоже его знаю.

Все, что я хотел сделать, это заплатить за бензин и отправиться в путь. Да кто он такой, долбаный уполномоченный по вопросам информации?

– Я схожу за мелочью и вернусь через минуту.

Должно сработать. Если сдача не слишком велика, я просто оставлю ее. Нет, этот маневр будет стоить по крайней мере три или четыре доллара. Мне нужно придумать, что ему сказать, когда я вернусь. Одно можно сказать наверняка: я не могу допустить, чтобы другие парни попали в ту же щекотливую ситуацию, в какую попал я.

Два доллара... три доллара... четыре доллара... Вот так, продолжай в том же духе! *Никогда не думал, что буду переживать за то, чтобы бензин обошелся как можно дороже!* Пять долларов... Шесть долларов... Колонка просигнализировала о выключении, и лишнее топливо вылилось обратно из горлышка бака и потекло по кузову. В бак не поместилось бы больше ни капли. Держа шланг в правой руке, я потянулся, чтобы щелкнуть рычагом «Выкл.» левой рукой. Я замер, глядя на цифры, видневшиеся через грязное, пожелтевшее пластиковое окошко на колонке: 6,66 доллара. *Ни за что на свете я не остановлю счетчик на отметке 6,66 доллара!*

У 1DRBUS было несколько «выдвижных» вентиляционных окошек с каждой стороны, которые открывались всего на несколько сантиметров; достаточно, чтобы обеспечить немного воздуха для людей, едущих сзади. Сунув нос в щель ближайшего окошка, я сказал: «Эй, Лось, проверь, полны ли там канистры с бензином».

Толстая, с короткими пальцами рука Лося, похожая на бейсбольную перчатку, смяла кусок занавески и резко отдернула ее, частично оторвав от крепления. Кряхтя и постанывая (у него была манера заставлять каждое движение звучать как рутинная работа), он с перекошенным лицом придвинулся достаточно близко, чтобы удариться носом о стекло. От его тяжелого дыхания запотело стекло.

– Проклятье, Оптерс. Ты сам знаешь, наполнены они или нет. Ты сегодня вытаскивал и складывал их десять гребанных раз!

– Мне нужна твоя помощь на две секунды. Посмотрим, есть ли там еще немного места. Этот гребаный насос отключился на отметке 6,66, и я этого так не оставляю. Это дурное предзнаменование. Число дьявола.

– **ВЫЛЕЙ НЕМНОГО БЕНЗИНА НА ДОЛБАНУЮ ЗЕМЛЮ, ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК НАДО! ДАВАЙ УЖЕ ВЕРНЕМСЯ НА СРАНУЮ ДОРОГУ!** – проревел в ответ Лось, явно теряя терпение.

– **СРАНУЮ ДОРОГУ...** – раздалось эхо в прохладном предрассветном воздухе. Поднявшись на цыпочках как можно выше, я сумел увидеть поверх своего автобуса своего нового друга, самозваного «уполномоченного по вопросам информации»: сложив руки наподобие бинокля и прижавшись к стеклу, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи, он пристально смотрел в нашу сторону. Нам пора сваливать.

Два быстрых щелчка ручкой, и порция бензина стоимостью десять центов брызнула в мусорное ведро рядом с колонкой, уже наполненное обертками от фастфуда и синими бумажными полотенцами. *Надеюсь, кассир не видел, как я это сделал.* Счетчик показал 6,76 доллара. Теперь, когда можно было спокойно заканчивать, я вернул шланг на колонку и снова сел за руль. *К черту сдачу, мы убираемся отсюда.*

Двигатель тут же завелся, и мы выкатились через тротуар на улицу. Зацепившись за какой-то бордюр, автобус качнулся, накренившись, напоминая перегруженный грузовик Перро пару ночей назад. Неудивительно, подумал я про себя, половина этого дерьма сейчас здесь – плюс мы втроем!

За чертой

Поза мексиканских полицейских, охранявших границу, всегда казалась мне уж очень непринужденной. Расшифровывалась она примерно так: не так уж важно, кого или что вы привезли в их страну, потому что, как только вы – или то, что вы привезли – оказываетесь в их стране, у них появляется *собственность*.

Однако я был обеспокоен тем, что на этот раз ситуация может сложиться иначе. Одного взгляда на 1DRBUS было достаточно, чтобы ясно понять, что мы отправляемся на серьезную экскурсию на юг. На крыше сложены доски для серфинга. Задние колеса вывернулись наружу, говоря о явном перегрузе. И едва ли требовался наметанный глаз, чтобы заметить тревогу, написанную на наших с Жеребцом лицах.

Я никогда раньше об этом не задумывался, но должны ли дорожные знаки «Впереди граница» просто предупреждать... или они задуманы, чтобы усиливать беспокойство и без того нервных нарушителей?

ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕЙ

Наши фары высветили отражающиеся белые буквы. Каждое предупреждение на поле полночно-синего цвета, казалось, плыло к нам в темноте.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В МЕКСИКЕ ЗАПРЕЩЕНО

Расставленные именно в такой последовательности знаки, несомненно, говорили о повышении ставок.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА ДВИЖЕНИЕ ПО ВСЕМ ПОЛОСАМ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ДЛЯ ДОСМОТРА ТРАНСПОРТА

Да, верно. Это всегда сцена, напоминающая «встречу за чашкой кофе» в сторожевых будках в странах третьего мира. Рассеянный кивок. Едва заметное движение руки, разрешающее продолжить путь. Интересно, это делается специально? Они надеются, что вы остановитесь и спросите их, закончили ли они вас «досматривать»? Или это делают, чтобы отсеять наиболее нервных?

РАЗВОРАЧИВАТЬСЯ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО

С ворчанием и звуком «уууф» Лось лег на пол позади меня.

– Останавливайся, только если охранник прикажет.

– Что?.. – начал я и притих на полуслове.

Осталось проехать пятьдесят метров. Сейчас не время протестовать.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРАНИЦА ВЫЕЗД ИЗ США – ВЪЕЗД В МЕКСИКУ

В пятницу утром в этот час почти никто не пересекал границу Мексики. Конусы были расставлены так, чтобы свести четыре полосы движения в одну. Будка пограничников едва ли была больше будки для оплаты проезда, но в ней были два охранника, занятые оживленной дискуссией. Третий офицер висел в проеме двери, как на турнике. Он разжал пальцы, опустил на землю и встал на нашем пути, когда мы подъехали.

– Я должен остановиться, Лось. Охранник перегораживает дорогу.

В ответ я услышал: «Шшш!»

Наверное, мне не следовало разговаривать с Лосем, так как он надеялся, что его не заметят. Но, может быть, этому придурку следовало сказать мне, что я помогаю ему избежать тюремного заключения – и сбежать в Мексику – до того, как мы добрались до границы?!

Примерно через пятнадцать метров я выключил фары. *Все что угодно*, лишь бы не злить этих парней.

Один из двух офицеров, втиснувшихся в кабину, что-то рявкнул по-испански одному полицейскому, стоявшему на нашем пути. Его напарник высунулся из укрытия и бросил ему планшет, полный документов. Он не сводил с нас глаз, и планшет ударился ему прямо в грудь и с грохотом упал на землю. Бумаги рассыпались, вызвав смех у его напарников.

Наш парень развернулся, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как он огрызается на остальных:

– ¡Cállate! ¡Pinche pendejos!¹³

Для большей драматичности планшет и бумаги он оставил нетронутыми, когда отошел в сторону и вернулся в лачугу. Показав палец остальным, он сплюнул:

– ¡Besa mi culo ustedes!¹⁴

Было не совсем ясно, кто здесь главный, и трое охранников начали препираться. Стараясь не раздавить планшет шинами, я продолжал катиться, пока передний бампер не оказался над разбросанными бумагами. Нас продолжали игнорировать. Не уверенный в том, что должно произойти дальше, я оглянулся через плечо и бросил озадаченный взгляд на Лосю.

– Ходу, ходу, ходу! – прошептал он, для выразительности щелкая пальцами.

Жеребец выразил свое согласие, быстро кивая, что можно было легко принять за дрожь.

Ничего не происходило. Я медленно отпустил тормоз, осторожно отпустил сцепление и тихо поехал дальше – хотя и со скоростью меньшей, чем скорость ходьбы. Мы все равно полностью не останавливались. Наши с Жеребцом глаза были прикованы к боковым зеркалам в поисках каких-либо признаков того, что нас собираются преследовать, но охранники были поглощены своим спором, не обращая на нас внимания. Теперь, в сотне метров от Мексики, пришло время переключиться на вторую передачу. С выключенными фарами мы тихо растворились в утренней темноте Тихуаны.

– Что, черт возьми, они говорили, Лось? – Жеребец напомнил о своем присутствии впервые с тех пор, как мы покинули Поместье.

«Заткнитесь, вы, гребаные засранцы» и «Вы, ребята, можете поцеловать меня в задницу». Если вам надо перевести мексиканскую ругань, предоставьте это Лосю.

Никогда не живущий прошлым (даже если это *прошлое* было три минуты назад), Лось погрузился в настоящее с криком:

– Прорвались! Включи фары и свою потрясающую стереосистему, Оптерс! Мы едем в Ла-Тиклу!

Отчетливо хрюкнув, он просунул свою голову между нами и снял напряжение очищающим гортанным «Д-А-АААААААААААА!»

Слишком потрясенный, чтобы думать о чем-то, я установил громкость на максимум и нажал на «воспроизведение»; кассету с «Born to Run» Брюса Спрингстина я успел найти перед тем, как лечь спать прошлой ночью.

Мы все трое считали, что знаем слова, но ни одна из наших версий не совпадала с другой. Несмотря ни на что, мы орали песню во весь голос. Прилив адреналина и переживания последних нескольких дней тяжело давили на нас, и нашим мозгам требовался отдых. В тот момент мы еще были безответственными детьми, и три идиотских ухмылки отражали наше коллективное облегчение. Никто из нас понятия не имел, что это последние поистине беззаботные моменты, которые нам доведется пережить.

Наверное, оно и к лучшему.

---

¹³ «Заткнитесь! Гребаные придурки!» (исп.)

¹⁴ «Поцелуйте меня в задницу!» (исп.)

Глава 4. Направить уведомление

Трапеза при свете фонарика

Следующие полтора часа мы ехали по платной дороге на юг вдоль побережья Баха-Норте. Жеребец снова притих, глядя в окно большую часть времени. Лось в какой-то момент стукнул его, пытаясь заставить расслабиться. Но Жеребец есть Жеребец, и когда он замолкает, только *ему* одному известно, когда он вернется в норму. Не то чтобы мы с Лосем болтали. За исключением времени, которое потребовалось, чтобы перевернуть кассету в стереосистеме, мы катились на юг; сначала слушали The Boss, а затем Lynyrd Skynyrd.

Оглушительная гитарная дуэль оплакивала финальное крещендо «живого» исполнения «Free Bird» длительностью 14 минут и 38 секунд. Рев толпы стих, когда мы проехали небольшой подъем на шоссе, и в поле зрения появились рассеянные огни Санто-Томаса.

– Я хочу есть. Давай возьмем тако.

Лось всегда голоден.

– Тако? До завтрака? – спросил я.

– Ты сейчас в Мексике, Оптерс. Тако *и есть* завтрак. – Жеребец заговорил! Видимо, с его необъяснимым обиженным молчанием было покончено.

– Сейчас четыре тридцать утра. Все закрыто. – Я мог часами водить машину без еды и остановок на туалет, и мне казалось, что было слишком рано останавливаться.

– Да ладно, прямо на главной дороге есть охрнительный маленький ресторанчик, который всегда открыт. Настоящая еда в стиле Санто-Томас. Я покажу, где припарковаться. – Интонация Лося на последней фразе делала дальнейшие возражения бессмысленными.

– Что такого особенного в мексиканской кухне Санто-Томаса?

– Особенность в том, что мы сейчас в Санто-Томасе, и мы с Жеребцом голодны. Эй! Вот он! Нам туда!

– Ладно, плевать.

Лось был прав насчет того, что забегаловка открыта. Она стояла на обочине дороги, освещенная, как ночной зал игровых автоматов, двумя группами прожекторов и оранжево-красной надписью *Abierta, 24 Horas*¹⁵, периодически мигающей в окне. Несмотря на неоновое сияние, это было крохотное место – передняя часть скромного дома, превращенная в столовую для путешественников.

Выглянув через щель между табличками со списком товаров на окне, седой мужчина, лет за семьдесят, заметил, что мы въезжаем, и направился к двери. Он распахнул дверь и поприветствовал нас, прежде чем мы вышли из автобуса.

– ¡Buenos días, amigos! Заходите, заходите. Мы накормим вас лучшим завтраком!

Он казался таким искренне взволнованным, увидев нас, что я цинично задавался вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как последний человек действительно останавливался здесь. Ну, по крайней мере, он немного знал английский; может, он не испортит мой заказ.

– ¡Buenos días, my bueno amigo!¹⁶ – Даже я понимал, что Лось говорил по-испански с горем пополам, хотя и лучше, чем мы с Жеребцом.

– Проходите, проходите. У меня для вас есть очень хороший стол.

Я задавался вопросом, какой из трех столов был «очень хорошим».

---

¹⁵ «Открыто круглосуточно» (исп.).

¹⁶ «Доброе утро, мой добрый друг!» (исп.)

Лось шел впереди, затем Жеребец, а я за ними. Я не обратил бы на это никакого внимания, если бы не последовавший инцидент. В тот момент, когда я переступил порог, вокруг все погрузилось в темноту. Не видя ничего перед собой, я остановился как вкопанный и оглянулся через плечо. В городе было темно. Куда ни глянь. Никаких огней. Черным-черно.

Звук открывшегося где-то ящика – его содержимое с грохотом упало на пол – заставил меня снова повернуться к чернильной темноте впереди.

– ¡Pinché luz!¹⁷ – послышался в темноте голос старухи.

Вспыхнула спичка, осветив комнату на несколько секунд, прежде чем угаснуть. Включился фонарик. Старик, который встретил нас у входной двери, держал фонарь под подбородком, его лицо теперь напоминало дружелюбного демона. Тень огромной головы с увеличенным носом плясала в свете фонаря на потолке.

– No problema, друзья мои. У нас есть *собственные* фонари, чтобы приготовить вам еду.

Я не двигался с места, все еще стоя на пороге. Старик направил свой фонарь к моим ногам и сделал жест «идите сюда», поманив меня к столу.

– Садитесь, сеньор. Садитесь здесь, а мы приготовим вам лучший завтрак.

Нужно отдать должное этому парню. Он оставался сосредоточенным на клиенте.

Дама со спичками зажгла свечу из маленькой раковины морского ушка, наполненной воском, и поставила ее на наш стол. Старик достал еще одну, зажег ее с первого раза, и комната снова стала почти нормальной. Две девочки, примерно шести и восьми лет, вошли в дверь кухни, держа крошечные фонарики. Девочка постарше, лет тринадцати или около того, осторожно поставила младших возле нашего стола. Одну за стулом Лося, а другую за стулом Жеребца. Она по очереди брала за руки девочек и направляла их фонари, а затем встала за моим стулом со своим фонариком. Теперь у каждого из нас был свой личный помощник, который помогал нам просматривать меню.

Вот это да. Эти дети всегда готовы вскочить с кроватей ради посетителей? Или они всегда одеты и бодрствуют в долбаные 4:30 утра? Это было мило – старания, которые проявляет весь клан, чтобы обслужить посетителей.

На стол подали три чашки горячего черного кофе, которые принесла еще одна юная девушка, вероятно, лет пятнадцати или шестнадцати, и очень хорошенькая. Ее шелковистые угольно-черные волосы были заплетены в две косы до пояса, украшенные крошечными бантиками из желтых лент. Она казалась ужасно застенчивой и отводила глаза каждый раз, когда я смотрел на нее. Старик вернулся с небольшим стаканом для сока, наполовину наполненным жидкостью коричневого цвета, и старой керамической чашкой, наполненной грудой крупных грязно-белых гранул. Он подал их с едва заметной помпезностью, поместив в центр нашего стола.

– Café con crema y azucar... Кофе со сливками и сахаром, друзья мои.

Его глаза заблестели обезоруживающим огоньком, усиленным светом свечей. Казалось, он не обращает ни малейшего внимания на отсутствие электричества.

Когда за столом остались только мы и наши маленькие осветители, я наклонился и прошептал остальным:

– Черт побери, ребята! Вы когда-нибудь видели семью, которая так отчаянно пытается заработать деньги?

Лось посмотрел на каждого из детей по очереди, проверяя, поняли ли они то, что я только что сказал, прежде чем ответить.

– Ты не врубаешься, Оптерс. Ты понятия не имеешь, что это за культура. Это простые люди. Все дело в том, чтобы помогать нам и быть хорошими хозяевами. Вот как сюда привлекают людей. Они не хотят потерять лицо из-за того, что не могут обслужить нас только потому,

---

¹⁷ «Сейчас подсвечу!» (исп.)

что отключилось электричество. Вот почему они зажгли свечи и фонарики. Они, вероятно, потратят больше на батарейки и свечи, чем получают за еду. Для них важно показать детям, как правильно обращаться с гостями в доме.

Снова появился старик с ручкой и салфеткой, чтобы записать заказы. Ошеломленный реакцией Лося и последовавшей за ней лекцией, я подсознательно отключился от разговоров за столом и ничего не слышал, пока не подошла моя очередь делать заказ.

– Сеньор? Сеньор? Что будете заказывать, амиго?

– Эээ... Я возьму то же, что и они.

Я почувствовал на своем лице пристальные взгляды всех, кто находился в помещении, даже детей.

– Мы заказали разное, Оптерс, – сказал Жеребец, спасая меня.

На этот раз указав на Жеребца, я попытался изящно выйти из неловкой ситуации.

– Я возьму то же, что и он.

Настала моя очередь молчать, погружившись в свои мысли, пока парни шутили и смеялись, поглощая завтрак. Лось дал импровизированный мастер-класс по тому, что он назвал «официальным» мексиканским методом использования небольших кусочков кукурузной лепешки в качестве единственной посуды. Наша еда закончилась, и принесли чек. Лось посчитал, внес свою долю в чек и передал его Жеребцу.

– По два пятьдесят с каждого, ребята. К тому же, я думаю, каждый из нас должен вложить по доллару за все проблемы, с которыми эти ребята столкнулись из-за нас. Как *ты* думаешь, Оптерс?

Жеребец хмыкнул и выдал еще одну из своих глупых пародий на «Трех балбесов».

– Да, Оптерс. Что ты думаешь, ммм? Ак-ак-ак-ак.

Жеребец недавно был одержим «Тремя балбесами»; он смотрел их каждый день и до тошноты имитировал их поведение и диалоги. Я думаю, он действительно чувствовал некое извращенное удовольствие, наблюдая, как мы все съеживаемся каждый раз, когда он разыгрывает эту чушь. Возможно, это был его способ чувствовать себя в безопасности; он был красив и встречался с красивой девушкой, но, казалось, неловко съеживался при общении с другими людьми. Мы с Перро наблюдали, как это происходит на вечеринках, и пришли к выводу, что его самоуверенная манера поведения – лишь маска, ложная бравада; когда его ставили на место, неуверенность лезла наружу.

Жеребец добавил свои деньги и положил передо мной купюры и монеты. Не имея однодолларовых бумажек, я взял всю пачку, чтобы положить свою десятидолларовую купюру.

Два пятьдесят плюс два пятьдесят плюс дополнительный доллар с каждого... здесь должно быть семь долларов... но было только шесть.

Гребанный Лось. Да, давайте каждый вложит дополнительный доллар за дополнительные трудности. *Я буду выглядеть мудаком, если подниму этот вопрос сейчас.* Я сложил в карман пять однодолларовых купюр и четыре четвертака и положил десятидолларовую купюру на стол. *Черт с ними.*

– Muchas gracias, Señores! Спасибо, что пришли, друзья мои! – Старик не мешкал ни секунды.

Дети осветили фонариками наш путь к двери. Старуха вышла из кухни, чтобы посмотреть, как мы уходим. Мы вышли в том же порядке, в каком вошли полчаса назад – Лось, за ним Жеребец, затем я. Со сверхъестественной синхронностью городское электричество включилось в тот самый момент, когда я ступил на улицу.

Старик хлопнул в ладоши и с зубастой ухмылкой воскликнул:

– Видите, друзья мои? Хороший завтрак принесет вам удачу.

Младшая из девочек вылезла между стариком и дверью и крикнула нам:

– Vaya con Dios! Adios Señores. Vaya con Dios!¹⁸

– О да, друзья мои. Vaya con Dios. – Глаза старика закатились, и он на мгновение вздернул подбородок, размышляя, как перевести на английский то, что он хотел сказать. Его лицо расплылось в широкой доброй улыбке. – Пусть Господь хранит вас в вашем путешествии. Si, Señores... Vaya con Dios.

---

¹⁸ «Ступайте с Богом! До свидания, сеньоры! Ступайте с Богом!» (исп.)

Глава 5. Самые продуманные планы

Держи паракват

Во время наших встреч, в ходе которых мы планировали поездку, в воздухе витало ощущение срочности. Конечно, у меня были *свои* причины «пошевеливаться» – я никогда не был на сто процентов уверен, что в мою дверь не постучит полиция Коронадо. После того как Перро проболтался о бегстве Лося от правосудия, я понял, почему парень так чертовски настаивал на «идеальном» дне для отъезда. Кроме того, он уже однажды занимался серфингом в Ла-Тикле и в красках описывал нам, насколько идеальными были волны в конце лета. Если верить Лосю, мы могли бы поехать куда-нибудь еще, если бы не направились на юг к первому сентября.

Подражая «Трем балбесам», Жеребец поддерживал каждый призыв Лося: когда уезжать, почему надо спешить, каким маршрутом следовать, где разбить лагерь по пути, как долго оставаться. «Да-а-а, Лось дело говорит! Ак-ак-ак-ак...» Мотивы Жеребца не были очевидны, но он был «вторым пилотом» Лося при каждом голосовании. Так как на приключение было отведено два месяца, я отметил на карте всевозможные места, которые выглядели интересными, но их одно за другим отбраковывали. На всем побережье Нижней Калифорнии¹⁹ есть десятки улетных мест для серфинга, но нашей заветной целью был материк. Мы должны были гнать без остановок. Даже съехать с дороги, чтобы *осмотреться*, было непросто, пока мы не добрались до Ла-Тиклы: «тропического рая», который благодаря рассказам Лося превратился в нашем воображении в почти что сказочное место.

Выбор в пользу Нижней Калифорнии был сделан не только из-за удобного старта для продвижения на юг. Путешествие по полуострову позволило нам обойти трехсотмильный участок материкового шоссе, которое проходило в самом сердце сельскохозяйственной области, хорошо известной выращиванием марихуаны. Управление по борьбе с наркотиками президента Джимми Картера активно обрабатывало обширные участки плантаций своим новейшим оружием «Войны против наркотиков» – паракватом. Продвигаемое как делающее марихуану ядовитой – и, следовательно, непривлекательной для поколения укурков, – распыление параквата стало широко разрекламированной (и несколько противоречивой) политической кампанией.

Каждый из нас знал о травке не понаслышке. В основном это было мощное зелье с такими названиями, как «Золото Акапулько», «Красная Панама», «Мауи-вау», «Коричневый Инка» или «Оахакан» («во-хоук-ин»). Мы придумали свое собственное название для травы, обработанной паракватом. Среди нас она была известна как «Commercial-wa-khan» («Торговый-вахан»). Это был настоящий «грязный сорняк» среди всех видов дури, и *последнее*

---

¹⁹ Нижняя Калифорния (Baja California) – самый северный штат Мексики, расположенный на севере полуострова Калифорния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.